

СОМЕРСЕТ
МОЭМ

Эшенден
На китайской ширме

✦ ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА ✦

Зарубежная классика (АСТ)

Сомерсет Моэм

**Эшенден. На китайской
ширме (сборник)**

«АСТ»

1922, 1928

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44

Моэм С.

Эшенден. На китайской ширме (сборник) / С. Моэм — «АСТ»,
1922, 1928 — (Зарубежная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-111441-1

В сборнике «Эшенден, или Британский агент» Сомерсет Моэм выступает в роли автора политических детективных историй, в основу которых лег личный опыт «тайной службы его величеству». Первая мировая война. На фронтах гибнут тысячи солдат. А далеко в тылу идет другая война – тайное, необъявленное противостояние европейских разведок. Здесь поджидает не меньшая опасность, а игра со смертью гораздо тоньше и изощреннее. Ведь основное оружие секретного агента – его ум и скорость реакции... Этюды «На китайской ширме» – пестрый калейдоскоп увлекательных историй о жизни на Востоке. В этих остроумных заметках раскрывается вся глубина загадочной китайской цивилизации: здесь найдется место и затерянным местам на великой реке Янцзы, и необычной колоритной культуре, и тонкому ориентальному менталитету.

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-111441-1

© Моэм С., 1922, 1928
© АСТ, 1922, 1928

Содержание

Эшенден, или Британский агент	6
От автора	6
Р	9
Домашний визит	11
Мисс Кинг	20
Безволосый Мексиканец	32
Смуглянка	42
Грек	47
Поездка в Париж	55
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Сомерсет Моэм

Эшенден. На китайской ширме

Сборник

W. Somerset Maugham
Ashenden
On A Chinese Screen

© The Royal Literary Fund, 1922, 1928
© Перевод. И. Гурова, наследники, 2018
© Перевод. А. Ливергант, наследники, 2018
© Перевод. В. Вебер, 2009
© Перевод. И. Бернштейн, 2009
© Перевод. Г. Косов, наследники, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Эшенден, или Британский агент

От автора

1

В основу этой книги положен мой опыт работы в разведке во время Первой мировой войны, однако опыт этот подвергся художественному переосмыслению. Факт – плохой рассказчик: обычно он приступает к повествованию по собственной прихоти, задолго до того, как оно началось, он совершенно не держит тему и обрывает ее на полуслове. На самом интересном месте он может завести разговор о чем-то абсолютно постороннем; кульминация, интрига, завязка и развязка для него, как правило, – пустой звук. А между тем есть немало писателей, которые в своих сочинениях руководствуются фактом, а никак не вымыслом. Раз жизнь, рассуждают они, хаотична и непредсказуема, такой же должна быть и литература, ведь литература должна подражать жизни. В жизни царит случай – должен он царить и в литературе; в литературе не должно быть кульминации, ибо кульминация – это грубое нарушение жизненной правды. Ничто так не выводит этих людей из себя, как резкие повороты сюжета, с помощью которых некоторые писатели стремятся удивить своих читателей, и поэтому, когда описываемые ими события приобретают драматический характер, они изо всех сил стараются свести этот драматизм на нет. Они не столько пишут рассказ сами, сколько дают нам материал, с помощью которого мы можем написать свой собственный рассказ. Иногда нам предлагается некий взятый наудачу случай, смысл которого мы должны определить сами. Иногда нам дается некий черновой набросок персонажа – делайте, дескать, с ним что хотите. Нам, иными словами, дают лишь рецепт блюда, а приготовить его нам предстоит самим. Впрочем, такая литература ничуть не хуже любой другой – ей принадлежит немало первоклассных произведений. Чехов довел метод жизненной правды до совершенства. Такой метод более пригоден для короткого повествования, чем для длинного.

Описание настроения, обстановки или атмосферы может удерживать внимание читателя на десяти страницах; когда же повествование растягивается на все пятьдесят, ему становится нужен некий стержень, некое организующее начало. Таким повествовательным стержнем и является сюжет, у которого обязательно должны быть начало, середина и конец. Сюжет – понятие самодовлеющее. Он начинается с описания обстоятельств, которые имеют причинно-следственную связь, и эта причинно-следственная связь прослеживается до тех пор, пока, к удовольствию читателя, не доводится до своего логического конца. Из чего следует, что повествование должно в определенном месте начинаться и в определенном же месте кончаться. Не брести куда глаза глядят, а уверенно вышагивать по заранее прочерченному пути, снизу вверх, от зачина до кульминации. Если изобразить это движение графически, то получится полукруг. Элемент неожиданности никогда не помешает, и этот толчок, этот внезапный поворот, который так претит эпигонам Чехова, плох лишь тогда, когда он плохо сработан; если же он является органичной частью повествования, если логически из него вытекает, – он превосходен. В кульминации нет ровным счетом ничего плохого – читатель имеет на нее полное и неотъемлемое право; кульминация плоха лишь в том случае, если не является логическим следствием предшествовавших ей обстоятельств. Избегать кульминации в литературном произведении на том лишь основании, что наша с вами жизнь в основном несобытийна, – лицемерие чистой воды.

¹ © Перевод. А. Ливергант, 2009.

Вообще утверждение, что литература должна подражать жизни, вовсе не является аксиомой. Есть ведь и другая точка зрения, ничуть не менее правомочная. Согласно этой точке зрения, литература должна использовать жизнь лишь в качестве сырья, которое ей предстоит обработать по своему разумению. И тут напрашивается аналогия с изобразительным искусством. Для пейзажистов семнадцатого века живая природа была не более чем предлогом для создания произведения искусства. Они переписывали пейзаж, подгоняя размер дерева под размер облака, использовали свет и тень для создания перспективы. Они стремились не скопировать действительность, а преобразить ее. Они переделывали мир на свой лад, сообразуясь с чувством реальности своих зрителей. Импрессионисты же в отличие от них писали только то, что видели. Они пытались передать неуловимую красоту природы: ослепительный солнечный день, игру теней или прозрачность воздуха. Их целью была истина. Они хотели, чтобы художник был лишь глазом и рукой. Интеллект был им ненавистен. И как же невыразительны сейчас их пейзажи в сравнении с величественными пейзажами Клода! Метод Клода – это метод непревзойденного мастера новеллистики Ги де Мопассана. И метод этот очень хорош – полагаю, что метод жизненной правды он непременно переживет. Ведь сейчас нам уже не так интересно, что представляли собой русские разночинцы пятьдесят лет назад, да и сюжет чеховских рассказов, как правило, не настолько увлекателен (по сравнению с историей Паоло и Франчески или Макбета), чтобы постоянно держать читателя в напряжении. Писатель же, о котором веду речь я, берет от жизни то, что любопытно, наглядно и драматично; он не копирует жизнь, но и не дает волю безудержной фантазии; что-то он при описании выбрасывает, что-то видоизменяет; описывая те факты, с которыми он предпочитает иметь дело, он предлагает читателю преображенную картину мира, которая, будучи проявлением авторского темперамента, является в известном смысле автопортретом, задуманным для того, чтобы заинтересовать и увлечь читателя. Если автору это удалось, читатель сочтет его произведение правдивым.

Все это я написал только для того, чтобы внушить читателю: эта книга – вымысел, впрочем, ненамного больший, чем несколько книг на ту же тему, которые вышли за последние несколько лет и которые претендуют на право называться мемуарной прозой. Работа сотрудника внешней разведки в целом крайне однообразна и нередко совершенно бесполезна. Жизненный материал, который эта работа дает писателю, – бессвязен и невыразителен; автор сам должен сделать его связным, волнующим и правдоподобным.

В 1917 году я поехал в Россию с заданием предотвратить большевистскую революцию и воспрепятствовать выходу России из войны. Читатель увидит, что усилия мои успеха не имели. Из Владивостока я поехал в Петроград. Однажды, когда мы ехали по Сибири, поезд остановился на каком-то полустанке, и пассажиры, как это обычно бывает, вышли на платформу – одни за водой для чая, другие – запастись съестным, третьи – просто размять ноги. На лавке, в окружении двадцати-тридцати однополчан в рваных, грязных гимнастерках, сидел слепой солдат – высокий, сильный, еще совсем молодой парень. Судя по всему, ему не было и восемнадцати. На щеках вился светлый юношеский пушок. Лицо было широкое, скуластое. Лоб пересекал огромный шрам от раны, лишившей его зрения. Из-за прикрытых глаз выражение его лица казалось каким-то таинственно отстраненным. Солдат запел. Сильным, красивым голосом. Он пел и сам же подыгрывал себе на аккордеоне. Поезд стоял, а он пел песню за песней. Слов я не понимал, но в этом диком и печальном пении мне слышался крик угнетенных; мне виделись голые степи и бескрайние леса, медленные, величавые русские реки и тяжкий крестьянский труд – пахота, жнивьё, вздохи ветра в березах, долгие, погруженные в ночь зимние месяцы, а потом танцующие крестьянки, деревенские дети, плещущиеся летними вечерами в мелких речушках; я ощутил ужас войны, промозглые ночи в окопах, бредущих по грязным дорогам солдат после боя, от которого веет ужасом, страданиями и смертью. Пение вселяло страх и в то же время было необычайно трогательным. У ног певца лежала фуражка, доверху наполненная медяками, которые бросали в нее пассажиры. Всех нас охватило чувство безгра-

ничного сострадания и безотчетного ужаса, ибо в этом невидящем, обезображенном шрамом лице было что-то жуткое, какая-то погруженность в себя, оторванность от этого пленительного мира. В слепом певце было что-то нечеловеческое. Солдаты угрюмо молчали, всем своим видом давая понять, что на милостыню пассажиров они имеют такое же право, как и слепец. От них исходили пренебрежение и злоба, от нас – безмерная жалость, но никому не приходило в голову, что есть только один способ возместить страдания этому беспомощному существу.

Р

2

Когда началась война, Эшенден – писатель по профессии – находился на борту парохода, и смог вернуться в Англию лишь в начале сентября. Вскоре после прибытия ему довелось побывать на приеме, где его представили средних лет полковнику, имени которого он так и не уловил. Они немного побеседовали, а когда Эшенден собрался уходить, офицер подошел к нему и сказал:

– Вы не будете против того, чтобы снова встретиться? Мне хочется с вами поболтать.

– Конечно, – отвечал Эшенден. – В любое время, когда вам будет угодно.

– Я запишу адрес. У вас найдется визитка?

Эшенден протянул ему карточку, и полковник карандашом нацарапал на ней название улицы и номер дома. Когда Эшенден следующим утром явился на встречу по указанному адресу, то обнаружил, что находится на вульгарной улице с домами из красного кирпича. В свое время этот район Лондона считался довольно модным, но с тех пор успел существенно упасть в глазах тех, кто хотел бы найти себе жилье по приличному адресу. На доме, в который пригласили Эшендена, висело объявление, сообщавшее, что здание выставлено на продажу; ставни окон были наглухо закрыты, и ничто не говорило о том, что здесь кто-то живет. Эшенден позвонил, и дверь ему открыл унтер-офицер. Это произошло настолько быстро, что писатель даже вздрогнул. Не спросив о цели визита, его сразу провели в длинную комнату в дальней части дома, которая в свое время, очевидно, служила столовой. Ее яркий декор совершенно не вязался с немногой и к тому же изрядно потрепанной офисной мебелью. Создавалось впечатление, что здесь обосновались старьевщики. Когда он вошел, полковник, который, как позже выяснил Эшенден, был известен в Управлении Разведки под литерой Р., поднялся из-за стола и пожал гостю руку. Офицер был чуть выше среднего роста и очень худ. У него были жидкие седые волосы, усики, сильно смахивающие на зубную щетку, и изборожденное глубокими морщинами лицо желтоватого оттенка. Но его самой заметной, сразу обращавшей на себя внимание чертой были на удивление близко посаженные друг к другу глаза. Еще немного, и это можно было бы назвать косоглазием. У него были холодные, жестокие и очень усталые глаза, придававшие офицеру вид коварного и хитрого человека. Перед Эшенденом стоял тип, который не мог понравиться с первого взгляда и не внушавший мгновенного чувства доверия. Впрочем, полковник являл собой само радушие – его манеры можно было назвать приятными.

Он задал Эшендену массу вопросов, а затем без каких-либо околичностей заявил, что писатель представляет особый интерес для секретной службы. Эшенден владел несколькими европейскими языками, а его профессия служила прекрасным прикрытием. Под предлогом сбора материалов для новой книги он мог, не привлекая внимания, посещать любую нейтральную страну. Когда они обсуждали этот аспект проблемы, Р. сказал:

– Знаете, но вы действительно можете получить материал, способный пойти на пользу вашей работе.

– Ничего не имел бы против, – ответил Эшенден.

– Я расскажу вам о событии, которое произошло буквально на днях и за подлинность которого я могу поручиться. Я сразу подумал, что из этого со временем может получиться чертовски занимательный рассказ. Один из французских министров отправился в Ниццу, чтобы восстановить здоровье после перенесенной простуды. С собой он прихватил атташе-кейс с весьма важными документами. Подчеркиваю: очень важными. Через пару дней министр повстречался в ресторане (или каком-то ином месте, где танцуют девицы) желтоволосую леди,

с которой сразу очень сильно подружился. Он пригласил ее к себе в отель (что, надо признать, было с его стороны поступком опрометчивым), а когда пришел в себя утром, не обнаружил ни леди, ни атташе кейса с документами. Они немного выпили в номере, и, согласно его теории, женщина, когда он отвернулся, высыпала в его бокал какой-то наркотик.

Р. закончил рассказ и, обратив на Эшендена сияющий восторгом взор, спросил:

– Весьма яркая и занятная история, не так ли?

– И вы хотите сказать, что это произошло совсем недавно?

– На позапрошлой неделе.

– Невозможно! – воскликнул Эшенден. – Вот уже шестьдесят лет этот инцидент ставят на сцене. Он описан по меньшей мере в тысяче романов. Неужели вы хотите сказать, что реальная жизнь догнала нас только что?

Р. был явно слегка обескуражен.

– Если необходимо, я могу сообщить вам имена и даты, и, поверьте мне, союзники имели массу неприятностей из-за утраты содержавшихся в кейсе документов.

– Что же, сэр, если вы в своей секретной службе не способны на нечто большее, – со вздохом произнес Эшенден, – то боюсь, что как источник вдохновения для писателя она совершенно непригодна. Мы действительно не имеем права продолжать печатать эту историю.

На то, чтобы утрясти детали, много времени им не потребовалось, и когда Эшенден поднялся со стула, он уже знал все, что ему следует делать. Он должен был начать жизнь агента уже на следующий день в Женеве. Последние обращенные к Эшендену слова Р. произнес как бы между прочим, что придавало им особое значение:

– Да, прежде чем вы начнете работать, вы должны знать следующее. Прошу вас это хорошенько запомнить. Если вы отлично справитесь с делами, то на благодарность не рассчитывайте, а если у вас начнутся неприятности, то помощи вы не дождетесь. Вас это устраивает?

– Вполне.

– В таком случае позвольте пожелать вам успеха.

Домашний визит

3

Эшенден возвращался в Женеву. Ночь выдалась ненастной, с гор дул холодный ветер, но неповоротливый, маленький пароходик упорно тащился по беспокойной воде озера. Гонимый шквалистым ветром и только что превратившийся в ледяную крупу дождь злобными порывами омывал палубу, напоминая вздорную женщину, не способную оставить в покое объект своего недовольства. Эшенден побывал во Франции, чтобы составить и отправить донесение. За пару дней до этого, примерно в пять вечера, в его номере появился агент-индус. Застал он Эшендена лишь по счастливой случайности, поскольку предварительной договоренности о встрече не было. Согласно инструкции агент мог приходить в отель только в случае крайней необходимости. Агент сообщил, что из Берлина прибыл находящийся на службе у германцев бенгалец. Бенгалец привез черный кофр с документами, которые могли бы иметь большой интерес для правительства Великобритании. Центральные державы делали все, чтобы поднять мятеж в Индии – мятеж, который вынудил бы Британию не только держать в стране войска, но и, возможно, перебросить туда некоторые части из Франции. Чтобы вывести бенгальца из игры, агенты Антанты сумели устроить его арест в Берне и нашли возможность предъявить обвинения, которые на некоторое время делали его безопасным; но черный кофр найти не удалось. Агент Эшендена был очень смелым и очень умным парнем, и ему без особого труда удалось внедриться в компанию соотечественников, не разделявших идеалы Великобритании. И вот теперь он сумел узнать, что бенгалец, прежде чем приехать в Берн, оставил кофр в целях безопасности в камере хранения вокзала в Цюрихе. Теперь, когда бенгалец за решеткой ожидает суда, агенты центральных держав никак не могли добыть багажную квитанцию и получить в свои руки бесценный кофр. Для германского Разведывательного департамента было чрезвычайно важно без промедления получить кофр, и, поскольку сделать это легальными методами было невозможно, они решили той же ночью тайно проникнуть на вокзал и похитить груз. Это был смелый и остроумный план, а поскольку значительная часть работы британского агента была ужасно скучной, он, узнав о намерениях врага, ощутил приятное возбуждение. План, как считал писатель, был, вне сомнения, плодом острого и весьма беспринципного ума руководителя Германской секретной службы в Берне. Налет на вокзал должен был состояться этой ночью в два часа, и нельзя было терять ни мгновения. Эшенден не доверял ни телеграфу, ни телефону, и в Берн для контакта с британским офицером он должен был ехать сам. Агент-индус сделать этого не мог, поскольку уже и так рисковал жизнью, посетив номер Эшендена. Если его заметят выходящим из номера, то может случиться, что его найдут в один далеко не прекрасный день плавающим в озере с торчащим в спине ножом.

В Берн шел поезд, на который он мог еще успеть, и, схватив шляпу и пальто, Эшенден помчался вниз по лестнице. Выбежав из гостиницы, он сразу прыгнул в такси. Четыре часа спустя он уже звонил в колокольчик у дверей штаб-квартиры бернского отделения Секретной службы. Его имя здесь было известно только одному человеку, и именно его Эшенден и спросил. В вестибюль вышел высокий, очень усталый на вид человек (Эшенден его ранее никогда не встречал) и, не говоря ни слова, провел посетителя в свой кабинет. Писатель рассказал ему о причинах своего появления, и высокий человек, бросив взгляд на часы, произнес:

– Слишком поздно для того, чтобы мы могли сами что-то предпринять. Скорее всего вовремя добраться до Цюриха мы не успеем. – Немного подумав, он продолжил: – Придется привлечь швейцарские власти. Те могут воспользоваться телефоном, и, когда ваши друзья

попытаются осуществить свое маленькое ограбление, они, вне сомнения, обнаружат, что вокзал надежно охраняется. Но, как бы то ни было, вам лучше вернуться в Женеву.

Он пожал Эшендену руку и выпроводил из кабинета. Эшенден не сомневался, что никогда не узнает, чем завершится дело. Будучи всего лишь крошечным винтиком в большой и сложной машине, он никогда не имел возможности увидеть операцию целиком и был знаком либо с ее началом, либо с завершением. Иногда это был какой-то эпизод, но ему крайне редко предоставлялась возможность узнать результат своих действий. Это раздражало его не меньше, чем современные романы, которые, состоя из ряда не связанных между собой эпизодов, заставляли читателя, дабы создать целостное повествование, самостоятельно сводить в уме эти эпизоды в единый сюжет.

Несмотря на меховое пальто и теплый шарф, Эшенден промерз до костей. В салоне парохода было тепло, а хорошее освещение позволяло читать, но он счел за благо не торчать там из опасения, что какой-нибудь любитель путешествий узнает его и задастся вопросом, с какой стати он постоянно перемещается из швейцарской Женевы во французский Тонон и обратно. Поэтому Эшенден в полной мере использовал то убежище, которое смог найти, проведя несколько унылых часов на темной палубе. Он посмотрел в сторону Женевы, но городских огней не увидел, а дождь со снегом, превратившись в просто снег, не позволял рассмотреть какие-либо береговые ориентиры. В хорошую погоду Женевское озеро, живописное и светлое, скорее походило на искусственный водоем во французском парке, однако в штормовую погоду оно было столь же таинственным и грозным, как море. Эшенден решил, что, вернувшись в отель, он разожжет камин в гостиной, примет горячую ванну и поужинает в комфорте перед огнем в пижаме и халате. Перспектива провести вечер в одиночестве с трубкой и книгой была настолько привлекательной, что определенно стоила тех страданий, которые ему пришлось перенести, пересекая озеро. Мимо него тяжело протопали два матроса. Чтобы хоть немного укрыть лица от леденящих порывов, они шли, низко наклонив головы. «*Nous arrivons!*»⁴ – крикнул Эшендену один из них. Затем матросы подошли к борту и сняли планку, закрывающую выход на трап. Снова взглядевшись в ревушую тьму, Эшенден разглядел туманные огни набережной. Это была весьма приятная картина. Через две-три минуты пароход ошвартовался, и Эшенден, закутавшись до ушей в теплый шарф, присоединился к небольшой кучке ожидающих высадки на берег пассажиров. Хотя он путешествовал часто – ему полагалось раз в неделю пересекать озеро, чтобы составить и отправить донесение во Францию, – Эшенден, стоя в толпе людей, ожидающих выхода на трап, постоянно испытывал легкое беспокойство. В его паспорте не было никаких указаний на то, что он был за границей. Пароход ходил по озеру, соприкасаясь с французской территорией только в двух точках. Официально судно шло из Швейцарии в Швейцарию, и Эшенден мог, к примеру, плыть из Веве в Лозанну. Но он никогда не был уверен в том, что агенты тайной полиции его не заметили, а если за ним следили и видели, как он высаживался во Францию, то факт отсутствия штампа в паспорте объяснить будет затруднительно. У него, конечно, имелась наготове легенда, но он хорошо понимал, что она выглядит не очень убедительно, и хотя швейцарским властям будет невозможно доказать, что он является злостным нарушителем, ему все же придется провести два-три дня за решеткой, что само по себе было бы весьма некомфортно. Затем его могут железной рукой препроводить до границы, что выглядело бы чрезвычайно унижительно. Швейцарцы прекрасно понимали, что их страна является ареной для самых разнообразных интриг. Агенты секретных служб, шпионы, революционеры и агитаторы разных мастей наводняли гостиницы всех главных городов, и швейцарцы, ревниво оберегая свой нейтралитет, были полны решимости не допустить ничего, что могло бы связать их с одной из воюющих сторон.

⁴ Мы прибываем (*фр.*).

За высадкой пассажиров наблюдала пара полицейских, и Эшенден, благополучно прошеествовав мимо них с независимым, как ему казалось, видом, испытал облегчение. Его поглотила темнота, и он быстро двинулся в отель. Отвратительная погода, словно в насмешку, лишила этот обычно приятный променад какой-либо прелести. Все магазины были закрыты, и на пути Эшенден повстречал лишь одного пешехода. Человек шагал сквозь непогоду с таким видом, словно стремился избежать слепого гнева какой-то неизвестной ему опасности. Создавалось впечатление, что в эту холодную, черную ночь вся цивилизация, словно устыдившись своей искусственности, сдалась на милость природных стихий. Теперь дождь со снегом хлестал Эшендена в лицо, а тротуар был таким скользким, что шагать приходилось очень осторожно. Отель фасадом смотрел на озеро. Когда Эшенден до него добрался и привратник открыл дверь, вместе с ним в лобби гостиницы ворвался порыв холодного ветра, заставив закружиться в воздухе бумаги на стойке регистрации. Яркий свет ослепил Эшендена. Он задержался у стойки, чтобы поинтересоваться, нет ли для него писем. Таковых не оказалось, и он был готов войти в лифт, когда регистратор сказал, что его в номере ждут два джентльмена. Друзей в Женеве у Эшендена не было.

– Вот как? – произнес он, немало удивившись. – И кто же они?

Он заранее позаботился о том, чтобы завязать с регистратором дружбу, давая щедрые чаевые за мелкие услуги. Регистратор сдержанно улыбнулся и сказал:

– Если я вам скажу, вреда, думаю, не будет. Мне кажется, что они из полиции.

– И чего же они желают? – поинтересовался Эшенден.

– Джентльмены не сказали. Спросили, где вы, и когда я сообщил им, что вы на прогулке, они заявили, что станут ждать вашего возвращения.

– И сколько же времени они здесь находятся?

– Час.

Сердце у Эшендена упало, но он сделал все, чтобы лицо не выдало тревоги.

– Я поднимусь, чтобы с ними повидаться, – сказал он. – Лифтер отступил в сторону, чтобы пропустить его в кабину, но Эшенден, покачав головой, произнес: – Я так промерз, что лучше пойду пешком.

Ему хотелось выиграть время, чтобы подумать, но когда он поднимался на три пролета, ему казалось, что ноги словно налились свинцом. Сомнений о причинах, в силу которых полицейские офицеры проявили горячее желание с ним встретиться, у него не было. Эшенден вдруг почувствовал чудовищную усталость. Ему казалось, что он не сможет справиться с множеством ждущих его вопросов. И если его арестуют как тайного агента, придется провести в камере по меньшей мере ночь. А ему как никогда ранее хотелось принять горячую ванну и плотно поужинать, сидя рядом с камином. У него мелькнула мысль развернуться к ним хвостом и уйти, оставив за спиной все тревоги. Паспорт лежал в кармане, а он сам наизусть знал время отправления всех идущих к границе поездов. Прежде чем власти Швейцарии сообразят, как следует поступить, он уже окажется в безопасности. Но Эшенден продолжал устало тащиться вверх по лестнице. Ему не нравилась сама мысль о столь легком отказе от работы. Ведь он ехал в Женеву, зная о риске, с которым связано его поручение, и сейчас ему казалось, что он должен продолжать работу. Двухлетнее пребывание в швейцарской тюрьме, конечно, не самое приятное времяпрепровождение, но это была одна из издержек профессии – сродни угрозе покушения на царствующую особу. Он добрался до площадки третьего этажа и направился к своему номеру. Действиям Эшендена всегда было присуще некоторое легкомыслие (за что ему часто доставалось от критиков), и теперь, задержавшись на миг перед дверью, он вдруг обнаружил, что нелегкое положение, в котором он оказался, не лишено некоторой забавности. Сделав это открытие и воспрянув духом, Эшенден решил преодолеть все трудности с помощью наглости. Поэтому, когда он повернул ручку двери и вошел в номер, чтобы встретиться с визитерами, на его лице светилась совершенно искренняя улыбка.

– Добрый вечер, господа, – сказал он.

Комната была ярко освещена, поскольку горели все лампы, а в камине пылал огонь. Воздух в помещении стал серым от дыма, так как визитеры, видя, что ожидание затягивается, курили крепкие и предельно дешевые сигары. Они сидели в своих толстых пальто, не сняв с головы котелков, словно только что вошли, однако количество пепла в стоящей на столе маленькой пепельнице говорило о том, что в распоряжении джентльменов оказалось достаточно времени для знакомства с обстановкой. Это были крепко сбитые, мощные, возможно, чуть излишне дородные черноусые мужчины, вид которых сразу заставил Эшендена вспомнить пару гигантов из «Золота Рейна» – Фафнера и Фазольда. Массивные, неуклюжие сапоги, монументальность, с которой они восседали в креслах и выражение мрачной настороженности на их лицах не оставляли сомнения в том, что господа принадлежат к породе ищеек. Эшенден обвел комнату взглядом. Будучи существом аккуратным, он сразу заметил, что помещение, хоть и не находится в беспорядке, пребывает не совсем в том состоянии, в котором он его оставил. Это говорило о том, что его пожитки подверглись досмотру. Обыск Эшендена совершенно не тревожил, поскольку он не держал в своем жилье никаких способных его скомпрометировать документов. Что касается шифра, то он выучил его наизусть и уничтожил еще до отъезда из Англии. Все сообщения из Германии передавались ему третьими лицами и без задержки переправлялись в нужные места. Итак, обыска можно было не опасаться, но сам факт досмотра подтверждал его опасения, что власти подозревают в нем тайного агента. Видимо, на него кто-то донес.

– Чем я могу помочь вам, господа? – весело осведомился он. – Здесь очень тепло. Не желаете ли освободиться от пальто и снять шляпы?

Его слегка раздражало, что эти типы расселись в его доме, не сняв котелков.

– Мы задержимся лишь на минуту, – сказал один из них. – Мы заглянули в отель, и, поскольку консьерж сообщил нам, что вы вот-вот вернетесь, мы решили подождать.

Котелка он так и не снял. Эшенден освободился от шарфа и избавился от подбитого мехом пальто.

– Не желаете ли сигару? – спросил он, поднеся коробку вначале одному детективу, а затем – второму.

– Лично я – не против, – ответил Фафнер, извлекая из коробки сигару. Фазольд же схватил сигару молча, не удостоив Эшендена ни единым словом благодарности.

Этикетка на сигарном ящике, судя по всему, весьма *своеобразно* подействовала на их манеры, поскольку теперь они сняли шляпы.

– Прогулка по такой погоде была, надо полагать, весьма неприятной, – произнес Фафнер, откусив с полдюйма от кончика своей сигары и выплюнув огрызок в камин.

Эшенден всегда придерживался принципа (весьма пригодного и для работы в Разведывательном управлении) излагать все, насколько позволяли возможности, максимально близко к правде. Поэтому он сказал:

– За кого вы меня принимаете? Если бы я мог, то в такую погоду и носа не высунул бы из дома. Мне пришлось сегодня отправиться в Ве́ве, чтобы встретиться с другом-инвалидом, и я вернулся на пароходе. На озере страшно холодно.

– А мы – из полиции, – небрежно бросил Фафнер.

Эшенден подумал, что они держат его за полного идиота, если считают, что собеседник не догадался об этом с самого начала. Однако свои соображения на этот счет он решил оставить при себе, поскольку поделиться ими, сохраняя на физиономии приятную мину, было положительно невозможно.

– Неужели? – сказал Эшенден.

– Паспорт у вас при себе?

– Да. Думаю, что в это военное время иностранец поступает разумно, если постоянно носит с собой паспорт.

– Да, это очень разумно.

Эшенден вручил полицейскому свой прекрасный новый паспорт, не содержащий никаких сведений о его перемещениях, если не считать штампа, говорящего о том, что англичанин прибыл из Лондона три месяца назад. С тех пор, судя по документу, он ни разу не пересекал границу. Полицейский, внимательно изучив документ, передал его своему коллеге.

– Похоже, что здесь все в порядке, – сказал он.

Эшенден промолчал. Он зажег сигарету и, встав рядом с камином, чтобы быстрее согреться, взирал на детективов с видом, как ему казалось, дружелюбного безразличия. Фазольд вернул документ Фафнеру, и тот, задумчиво постучав по корочке указательным пальцем, произнес:

– Нас направил сюда шеф полиции, чтобы кое-что расследовать.

Эшенден заметил, что оба представителя власти уставились на него в этот момент особенно пристально. Ему было хорошо известно, что если тебе нечего сказать, попридержи язык, а если человек, сделавший замечание, уверен, что оно заслуживает ответа, то твое молчание приводит его в состояние легкого замешательства. Эшенден сделал вид, что ждет продолжения. Ему показалось – впрочем, уверен он в этом не был, – что полицейский начал испытывать некоторую неловкость.

– Дело в том, что в последнее время мы стали получать множество жалоб на шум, который производят люди, выходящие ночью из казино. Нам хотелось бы выяснить, беспокоил ли этот шум лично вас. Поскольку ваши комнаты смотрят на озеро и гуляки проходят под вашими окнами, то вы должны их слышать. Если шум достаточно сильный.

На какой-то миг Эшендену показалось, что он ослышался. Во всяком случае, он был ошарашен. Что за вздор мелет этот сыщик (бум-бум, гремит большой барабан, когда гигант появляется на сцене в «Золоте Рейна»), и неужели шеф полиции действительно может послать подчиненных узнать, не нарушают ли сладкий сон гостя какие-то горластые игроки? Все это очень смахивало на ловушку. Но нет ничего глупее, чем называть провалом все, что с первого взгляда кажется нелепым. Это может быть вовсе не провалом, а волчьей ямой, куда, как показывает жизнь, неоднократно проваливались даже самые проницательные скептики. Тем не менее Эшенден был глубоко убежден в глупости животного по имени человек, и в течение его жизни это убеждение не раз приносило ему пользу. В его голове пронеслась мысль – раз детектив задает ему подобный вопрос, то у него нет даже намека на доказательство его преступной деятельности. Эшенден не сомневался, что на него донесли, но никаких фактов не представили, а обыск комнат оказался безрезультатным. Но для посещения был придуман более чем жалкий повод, говоривший лишь о бедности воображения. Эшенден, не сходя с места, придумал три причины, которыми детективы могли бы объяснить желание с ним побеседовать, и пожалел, что недостаточно хорошо знаком с сыщиками, чтобы поделиться с ними своими идеями. Повод для визита, приведенный ими, был оскорблением для разума. Эти типы оказались даже глупее, чем он думал, но поскольку в его сердце всегда имелся теплый уголок для дурачков, он стал относиться к незванным гостям значительно лучше. Ему захотелось слегка потрепать их по плечу. Однако на поставленный вопрос он ответил со всей серьезностью:

– По правде говоря, я сплю очень сладко – что, как вы понимаете, несомненно, является следствием чистого сердца и спокойной совести – и никогда ничего не слышу.

Эшенден взглянул на них в надежде увидеть хотя бы мимолетную улыбку, которой, как он считал, заслужило его замечание, но лица сыщиков остались невозмутимыми. Эшенден даже в качестве агента британского правительства сохранил чувство юмора и поэтому с трудом подавил готовый вырваться вздох. Приняв, как ему показалось, более внушительную позу, он серьезным тоном продолжил:

– Но даже если бы меня разбудили шумные люди, мне бы и голову не пришлось выступать с жалобой. В то время, когда в мире так много тревог, страданий и несчастий, я считаю непростительным чинить помехи тем людям, которым настолько повезло, что они способны себя развлечь.

– Все верно, – согласился детектив. – Но, как бы то ни было, гостям отеля мешают спать, и шеф полиции распорядился это расследовать.

Его коллега, который до этого хранил молчание, очень смахивающее на молчание сфинкса, решил вступить в беседу.

– Я обратил внимание на то, что согласно записи в вашем паспорте вы являетесь писателем, месье, – сказал он.

– Да. Эта профессия доставляет массу неприятностей, но время от времени приносит и радость, – подчеркнуто доброжелательно, чтобы сгладить свое предыдущее выступление, ответил Эшенден.

– Славу, например, – вежливо заметил Фафнер.

– Правильнее будет сказать «печальную знаменитость», – решился поправить его Эшенден.

– И что же вы делаете в Женеве?

Вопрос был задан очень дружелюбным тоном, и Эшенден понял, что следует быть настоящим. Каждый умудренный опытом человек знает, что дружелюбный полицейский опаснее, нежели офицер полиции, настроенный враждебно.

– Я пишу пьесу, – ответил Эшенден, махнув рукой в направлении разбросанных на столе бумаг. Короткий взгляд, брошенный полицейскими в сторону стола, красноречиво говорил, что гости уже успели просмотреть манускрипт и приняли к сведению его содержание.

– Но почему вам так нужно сочинять пьесу здесь, а не в своей стране?

Эшенден улыбнулся даже более дружелюбно, чем ранее, так как очень долго готовился к этому вопросу и теперь почувствовал облегчение. Кроме того, ему было любопытно, как детективы воспримут ответ.

– Но, месье, в Европе идет война. Поскольку моя страна пребывает в сильном ажиотаже, там невозможно спокойно сидеть и просто писать пьесу.

– Это будет комедия или трагедия?

– Комедия. И очень легкая, если на то пошло, – ответил Эшенден. – Художнику нужен мир и тишина. Разве можно хранить независимость духа, необходимого для творчества, если нет возможности созидать спокойно? Швейцария – счастливая страна. Она осталась нейтральной, и я посчитал, что здесь, в Женеве, смогу найти ту среду, которая мне столь необходима.

Фафнер едва заметно кивнул Фазольду, и было не совсем ясно, хочет ли он этим жестом сказать, что считает Эшендена слабоумным, или, напротив, желает выразить сочувствие желанию англичанина найти тихое убежище в бурном мире. У Эшендена не было способа это узнать. Как бы то ни было, но детективы, видимо, решив, что из дальнейшей беседы с Эшенденом ничего не выудят, поскольку ответы последнего становились все более и более бессвязными, через несколько минут поднялись, чтобы удалиться.

Дружески пожав полицейским руки и закрыв за ними дверь, Эшенден глубоко вздохнул, ощутив громадное облегчение. Он открыл кран в ванне, наполнил ее горячей водой – такой горячей, которую, как ему казалось, едва можно было выдержать, – и принялся неторопливо раздеваться, размышляя о своем счастливом спасении.

За день до этого произошел инцидент, вынудивший его удвоить осторожность. На него должен был работать агент-швейцарец, известный в Разведывательном управлении под псевдонимом Бернارد, который только что прибыл из Германии. Эшенден назначил ему встречу в определенном кафе в определенное время. Поскольку Эшенден ранее никогда не видел этого человека, он через посредника проинформировал его о том, какой контрольный вопрос задаст

и какой ответ должен получить. Встречу он назначил на полдень, рассчитывая, что в кафе в это время не будет много посетителей и он еще с порога увидит мужчину нужного возраста. Возраст агента был ему известен. Бернард сидел в одиночестве, и Эшенден, подойдя к нему, как бы случайно задал ему заранее согласованный вопрос. Получив заранее согласованный ответ, он занял место рядом с агентом и заказал для себя бутылку дюбонне. Шпион оказался бедно одетым, невысоким коренастым парнем, с круглой, похожей на пушечное ядро коротко остриженной головой, бегающими голубыми глазами и землистого цвета лицом. Доверия он не внушал, и Эшенден, хотя по собственному опыту знал, как тяжело найти готовых ездить в Германию агентов, был удивлен тем, что его предшественник завербовал этого типа. Бернард был швейцарским немцем и говорил по-французски с сильным акцентом. Бернард первым делом потребовал свое вознаграждение, и Эшенден передал ему конверт. Оплата велась в швейцарских франках. Бернард в общем виде отчитался о своем пребывании в Германии и ответил на тщательно продуманные вопросы Эшендена. По профессии Бернард был официантом, и ему удалось найти работу вблизи одного из мостов через Рейн, что открывало перед ним широкие возможности получения именно той информации, которая от него требовалась. Причины возвращения на несколько дней в Швейцарию выглядели вполне убедительными, и осложнений при обратном пересечении границы не предвиделось. Эшенден выразил удовлетворение действиями агента, дал ему новые указания и уже готовился завершить встречу, когда Бернард сказал:

– Очень хорошо. Но до отправления в Германию я желаю получить две тысячи франков.

– Неужели?

– Да, и я хочу их немедленно, еще до того, как вы покинете кафе. Такую сумму я обязан отдать, и мне необходимо ее получить.

– Боюсь, что я не смогу вам ее дать.

Лицо агента исказила кривая гримаса, и оно стало еще более неприятным, чем было до этого.

– Вам придется это сделать.

– Почему вы так считаете?

Шпион наклонился к Эшендену и, не повышая голоса, чтобы его мог слышать только собеседник, сердито выпалил:

– Неужели вы считаете, что я стану рисковать жизнью за ту нищенскую плату, которую вы мне предлагаете?! Менее десяти дней тому назад в Майнце схватили и расстреляли человека. Это был один из ваших людей?

– В Майнце у нас никого нет, – небрежно бросил Эшенден, и это теперь полностью соответствовало истине. Вот уже несколько дней он не получал никакой информации из этого города и понять не мог, почему это происходит. Сообщение Бернарда проливало свет на загадку. – Дав согласие на эту работу, вы прекрасно понимали, на что идете, и если вас не удовлетворяли условия, вам следовало бы от нее отказаться. У меня нет полномочий на выдачу вам даже одного дополнительного пенни.

– Не хотите ли взглянуть, что у меня имеется? – спросил Бернард.

С этими словами он извлек из кармана небольшой револьвер и со значением постучал по нему пальцем.

– И что же вы намерены с этой штукой предпринять? Заложить у старьевщика?

Бернард сердито пожал плечами и вернул оружие в карман. Эшенден подумал, что если бы Бернард был хотя бы чуть-чуть знаком с законами драматургии, то знал, что не следует совершать действие, не имеющее дальнейшего продолжения.

– Итак, вы отказываетесь дать мне деньги.

– Совершенно верно.

Шпион, державшийся сначала подобострастно, повел себя вызывающе, но при этом он не терял головы и ни на миг не повысил голос. Эшенден видел, что Бернард, каким бы негодяем ни был, является надежным агентом, и решил про себя, что предложит Р. увеличит вознаграждение. Он немного отвлекся от беседы, чтобы изучить окружающую обстановку. Неподалеку от них двое тучных, украшенных черными бородами граждан Женевы играли в домино, а с противоположной стороны молодой человек в очках быстро строчил страницу за страницей бесконечно длинного письма. Какое-то швейцарское семейство (может быть, даже по фамилии Робинсон), состоявшее из папы, мамы и четырех детишек, восседало вокруг стола, пытаясь выжать как можно больше из двух крошечных чашек кофе. Находящаяся за стойкой кассирша – импозантная брюнетка с затянутым в черный шелк могучим бюстом – читала местную газету. Окружение являло собой театральную мизансцену, которая в глазах Эшендена выглядела полным гротеском. По сравнению с этой картиной его собственная пьеса представлялась ему шедевром реализма.

Бернард улыбнулся. Обворожительной эту улыбку назвать было никак нельзя.

– Вы понимаете, что мне, чтобы вас арестовали, достаточно пойти в полицию и сказать им о вас? Вам известно, что представляют собой швейцарские тюрьмы?

– Нет, хотя с некоторых пор я задаю себе этот вопрос. А вам они знакомы?

– Да, и уверен, что они вам окажутся не по вкусу.

Помимо всего прочего Эшендена тревожило то, что его могут посадить в тюрьму, прежде чем он закончит пьесу. Перспектива отложить на неопределенный срок наполовину готовую вещь была ему категорически не по вкусу. Эшенден не знал, будут ли к нему относиться как к политическому заключенному или как к простому уголовнику. У него даже возникла идея поинтересоваться у Бернарда, позволено ли в последнем случае (именно в таком качестве был знаком с тюрьмой Бернард) пользоваться письменными принадлежностями. Но он не спросил из опасения, что Бернард воспримет его любопытство как насмешку. Тем не менее Эшенден не ощущал какого-то особого напряжения и поэтому смог ответить без накала на угрозу Бернарда.

– Конечно, вы без труда сможете устроить для меня два года тюрьмы.

– По меньшей мере.

– Нет. Два года, насколько мне известно – максимум, хотя и этого, полагаю, более чем достаточно. Не стану скрывать, что нахожу подобную возможность крайне неприятной. Но далеко не такой неприятной по сравнению с тем, что ждет вас.

– Но что вы смогли бы сделать?

– Мы нашли бы какой-нибудь способ до вас добраться. Помимо всего прочего, война не будет длиться вечно. Вы – официант, и вам нужна свобода рук. Обещаю, что если у меня возникнут неприятности, то вас до конца дней не впустят ни в одну из союзнических стран. Почему-то мне кажется, что это серьезно отразится на вашем образе жизни.

Бернард ничего не ответил, вперив мрачный взгляд в мраморную столешницу. Эшенден решил, что настал момент расплатиться за выпивку и уходить.

– Подумайте, Бернард, – сказал он. – Если вы захотите вернуться к своей работе, у вас есть мои инструкции, и ваше обычное вознаграждение будет поступать по привычным каналам.

Шпион в ответ пожал плечами. Эшенден, хотя и не знал конечного результата беседы, тем не менее чувствовал, что должен покинуть кафе с достоинством. Он так и поступил.

И вот теперь, осторожно опуская ногу в горячую воду, не зная, сможет ли выдержать тело этот кипяток, задавал себе вопрос, как в конечном итоге решил поступить Бернард. Вода оказалась не столь обжигающей, и он медленно в нее погрузился. По большому счету ему казалось, что шпион решил хранить верность, а источник доноса следует искать в ином месте. Возможно, в самом отеле. Тело постепенно привыкало к горячей воде, и Эшенден, улегшись на спине, удовлетворенно вздохнул.

«Удивительно, — думал он, — но иногда бывают моменты, когда процесс превращения примитивной, первобытной слизи в человека и, таким образом, в меня самого представляется почти что приемлемым».

Эшенден не мог не думать о том, как ему повезло, что он выкрутился из переделки, в которую попал этим вечером. Если бы его арестовали, а затем и осудили, то Р., пожав плечами, назвал бы его «треклятым тупицей» и незамедлительно приступил бы к поискам нового человека. Эшенден успел достаточно хорошо узнать шефа и ни на йоту не сомневался — слова о том, что попавшему в беду агенту ждать помощи со стороны не следует, были сущей правдой.

Мисс Кинг

5

Эшенден нежился в ванне, не без удовольствия думая о том, что ему, по всей видимости, удастся мирно закончить свою пьесу. Полицейские остались ни с чем, и, хотя за ним может начаться слежка, власти вряд ли сделают следующий шаг до того, как он хотя бы вчерне закончит третий акт. Но положение требовало особой осторожности, особенно в свете того, что всего две недели тому назад его коллега в Лозанне получил тюремный срок. Но и для излишней нервозности причин не было. Его предшественник в Женеве, видя, что за ним денно и ночью следят, и имея несколько преувеличенное представление о ценности своей личности, испытывал такое нервное напряжение, что его пришлось отозвать. Дважды в неделю Эшенден должен был отправляться на рынок, чтобы получить инструкции, которые доставляла пожилая крестьянка из Французской Савойи, торгующая маслом и яйцами. Она приходила вместе с другими торговками, и на границе их досматривали более чем поверхностно. Женщины пересекли рубеж на рассвете, и пограничники старались побыстрее разделаться с этой горластой, болтливой компанией, чтобы вернуться к своим каминам и сигарам. Пожилая дама, с ее дородностью, круглой, вечно красной физиономией и улыбчивым, добрым ртом, выглядела настолько невинно, что надо было быть чрезвычайно проницательным детективом, чтобы догадаться запустить руку между ее объемистых грудей и извлечь на свет клочок бумаги, который мог отправить на скамью подсудимых как старую, честную даму (которая, рискуя таким образом, спасала от окопов своего сына), так и почти достигшего среднего возраста английского писателя. Эшенден появлялся на рынке около девяти часов, когда большинство домашних хозяек Женевы уже успевали загрузиться провиантом. Он останавливался перед корзиной, рядом с которой в дождь и ветер, в жару и снег восседало это нестигаемое создание, и покупал полфунта сливочного масла. Женщина совала ему в руку записку вместе со сдачей с десяти-франковой банкноты, и он тут же удалялся. Самую большую опасность для него представляли те минуты, когда он возвращался с заданием в кармане. Теперь, после неприятного визита полиции, он решил максимально сократить то время, когда на нем можно обнаружить записку.

Эшенден вздохнул, поскольку вода уже была не такой горячей. Он не мог дотянуться до крана рукой, и с помощью пальцев ног тот тоже не открывался (как следовало открываться хорошо отлаженной конструкции). Если же, чтобы добавить горячей воды, придется подняться, то он с таким же успехом мог вообще вылезти из ванны. С другой стороны, ему не удавалось вытащить ногой затычку, дабы слить воду и, таким образом, вынудить себя прекратить приятное времяпрепровождение. Для того чтобы проявить себя настоящим мужчиной и просто вылезти из ванны, ему не хватало силы воли. Многие говорили, что он обладает сильным характером, и Эшенден подумал, насколько часто люди делают поспешные выводы, не располагая для этого достаточным набором фактов. Им, например, никогда не доводилось видеть его в горячей и постепенно остывающей ванне. Тем временем мысли Эшендена снова вернулись к пьесе. Когда он, совершенно забыв, что вода в ванне стала едва теплой, изобретал забавные сцены и придумывал остроумные диалоги, которые, как ему было известно по собственному опыту, будут совсем по-иному выглядеть таковыми на бумаге или звучать с театральных подмостков, кто-то постучал в дверь. Поскольку ему никого не хотелось видеть, у него хватило силы не произносить: «входите». Но стук повторился.

- Кто там? – раздраженно крикнул он.
- Письмо.
- Входите и подождите немного.

Услышав, как открылась дверь спальни, он вылез из воды, обернул вокруг бедер полотенце и вышел из ванной комнаты. В спальне его ждал коридорный с запиской. От него требовался устный ответ. Остановившаяся в отеле дама приглашала его на игру в бридж после ужина. Под посланием по континентальному обычаю стояла подпись: «Барон де Хиггинс». Эшенден, мечтавший об приятном ужине в шлепанцах и халате, о хорошей книге в свете торшера, был готов ответить отказом, но затем до него дошло, что в данных обстоятельствах появление в столовой этим вечером стало бы с его стороны более уместным поступком. Нелепо было бы предполагать, что весть о том, что его навещала полиция, не распространилась среди обитателей гостиницы. В связи с этим следовало продемонстрировать всем гостям, что это не выбило его из колеи. В его мозгу промелькнула мысль, что на него донес кто-то из постояльцев гостиницы, и в этой связи имя бойкой баронессы не могло не всплыть в его памяти. Если его выдавала она, то в его игре с ней в бридж можно будет усмотреть изрядную толику юмора. Эшенден попросил посыльного передать баронессе, что будет рад принять участие в игре, и неторопливо приступил к облачению в вечерний костюм.

Баронесса фон Хиггинс была австриячкой, которая, обосновавшись в Женеве в первую военную зиму, решила, что для нее будет более удобным переименовать свое имя на французский манер. Английским и французским языками она владела безукоризненно. Ее фамилия, звучащая столь не по-тевтонски, была ею унаследована от йоркширского деда-грома, которого в начале девятнадцатого столетия привез с собой в Австрию князь Бланкенштайн. Дедушка сделал весьма приятную романтическую карьеру. На привлекательного юношу обратила внимание одна из эрцгерцогинь, и тот, прекрасно воспользовавшись представившейся возможностью, закончил жизнь бароном и полномочным министром при итальянском дворе. Его единственным потомком осталась баронесса. После неудачного замужества (подробностями которого она охотно делилась с окружающими) дама вернула себе девичье имя. Баронесса частенько упоминала о том, что ее дед служил послом, но никогда не говорила, что он когда-то был грумом, и Эшенден узнал эту пикантную деталь через Вену, поскольку по мере укрепления их дружбы считал необходимым выяснить кое-какие детали ее прошлого. Помимо всего прочего он узнал, что ее личные доходы не могут обеспечить того довольно расточительного образа жизни, которого баронесса придерживалась в Женеве. Поскольку перед ней открывались такие широкие возможности для шпионажа, можно было, не боясь ошибки, предположить, что одна из секретных служб прибегла к ее услугам. Эшенден считал само собой разумеющимся, что баронесса занимается примерно тем же делом, что и он. Это обстоятельство не могло не усиливать ту сердечность, с которой он к ней относился.

Когда Эшенден вошел в столовую, та была почти заполнена. Он занял место за своим столиком и, ощущая после всего того, что пришлось пережить, некоторую развязность, заказал для себя бутылку шампанского. Баронесса одарила его сверкающей улыбкой. Даме было уже за сорок, однако она оставалась изумительно красивой. Красота эта была ослепительной, хотя, возможно, чуть-чуть жестковатой. Баронесса была крашеной блондинкой. Ее золотистые волосы имели металлический блеск. Они были красивы, но отнюдь не соблазнительны. Эшенден с самого начала решил, что это вовсе не те волосы, которые вы хотели бы обнаружить в своем супе. У нее были прекрасные черты лица, голубые глаза, прямой нос и бело-розовая кожа, которая, на взгляд Эшендена, слишком туго обтягивала кости. Декольте дамы было весьма щедрым, а ее белый и довольно обширный бюст имел все качества мрамора. В ее облике не имелось ничего, что говорило бы о наличии той податливой нежности, которую некоторые чувствительные мужчины находят столь соблазнительной. Одевалась дама прекрасно, но ювелирных изделий почти не носила, и Эшенден, кое-что знавший о подобных вещах, пришел к заключению, что верховные власти, открыв для нее карт-бланш у портных, решили, что будет нескромно или не посчитали необходимым снабдить ее кольцами и жемчугом. Тем не менее баронесса была настолько яркой женщиной, что даже и без рассказа Р. о похождениях мини-

стра Эшенден решил, что одного ее вида достаточно, чтобы пробудить у любого мужчины, на котором она попытается использовать свои чары, чувство благоразумия.

Пока подавали ужин, Эшенден успел изучить взглядом сотрапезников. С первого взгляда казалось, что большинство собравшихся в столовой людей – старинные друзья. Женева в то время являла собой гнездо интриг, центром которых был отель, где остановился Эшенден. Здесь под одной крышей обитали французы, итальянцы и русские, турки, румыны, греки и египтяне. Часть из них просто бежали из родных стран, а некоторые, вне сомнения, представляли интересы своих правительств. Среди них находился и один из агентов Эшендена, по национальности болгарин, с которым он в целях пущей безопасности, находясь в Женеве, никогда не общался. Этим вечером болгарин ужинал с двумя соотечественниками, и через пару дней – если, конечно, его за это время не убьют – можно было ожидать любопытного сообщения. Среди ужинающих находилась маленькая немецкая проститутка, с голубыми глазами и кукольным личиком, которая частенько ездила по дороге вдоль озера в Берн и, занимаясь своим основным делом, собирала крохи информации, служившей, вне сомнения, пищей для размышления в Берлине. Она принадлежала к совсем иному классу, нежели баронесса, и охотилась на более мелкую дичь. Узрев среди гостей графа Хольцминдена, Эшенден удивился. Интересно, подумал он, с какой стати оказался здесь этот тип и что он здесь делает? Хольцминден был германским резидентом в Веве и в Женеве появлялся лишь изредка. Как-то раз Эшенден увидел его в старом городе, с его пустынными улицами и молчаливыми домами. Граф, стоя на углу, беседовал с человеком, в котором сразу угадывался шпион, и Эшенден много бы дал, чтобы услышать то, что они говорят друг другу. Самым забавным в этой ситуации было то, что перед войной Эшенден встречался с графом в Лондоне, и они довольно хорошо знали друг друга. Хольцминден принадлежал к знатной семье, состоящей, естественно, в родстве с самими Гогенцоллернами. Графу нравилась Англия. Он прекрасно танцевал, был отличным наездником и метким стрелком. Люди говорили о нем, что он – больше англичанин, чем сами англичане. Граф был строен, высок ростом и коротко пострижен на прусский манер. Его корпус имел специфический наклон, присущий тем, кто провел большую часть жизни при дворе и всегда был готов отвесить поклон монаршей особе, присутствия которой не видел, а скорее чувствовал. У графа были чарующие манеры, и он очень увлекался изящными искусствами. И вот теперь Эшенден и граф Хольцминден всем своим видом старались показать, что раньше никогда не встречались. Они, естественно, прекрасно знали, чем каждый из них занимается, и у Эшендена даже возникла идея пошутить с ним на эту тему – разве не абсурд вести себя так, словно не знаешь человека со времен Адама, после того как много лет приглашал его на ужин и играл в карты? Но, раскинув мозгами, он от этой идеи отказался, опасаясь, что немец усмотрит в его поведении очередное доказательство британского легкомыслия, категорически недопустимого в то время, когда идет война. Итак, Эшенден очень удивился. Хольцминден никогда ранее не переступал через порог гостиницы, и весьма сомнительно, что он появился здесь сейчас, не имея на то весьма серьезных причин.

Эшендена интересовало, не вызвано ли данное событие необычным присутствием в обеденном зале принца Али? Подобную ситуацию, какой бы случайной она ни казалось, считать простым совпадением было бы просто неразумно. Принц Али был египтянином и близким родственником Хедива. Ему пришлось бежать из страны после того, как Хедив был низложен. Али был злейшим врагом Англии и активно провоцировал смуту в Египте. Три недели тому назад смещенный Хедив тайно останавливался в отеле на три дня, которые пара почти полностью провела в совещаниях в апартаментах Али. Принц был маленьким, тучным человеком с большущими черными усами. Он жил вместе с парой своих дочерей и неким пашой по имени Мустафа. Мустафа выступал в роли его секретаря и делопроизводителя. И сейчас все четверка сидела за одним столом. Несмотря огромное количество выпитого шампанского, они восседали в полном молчании. Обе принцессы были вполне эмансипированными молодыми женщинами,

танцевавшими ночи напролет в ресторанах с голубой кровью Женевы. Принцессы были невелики ростом и дородны. У них были крупные, землистого цвета лица, украшенные прекрасными черными глазами. Их одеяние отличалось крикливой роскошью, говорившей больше о Рыбном рынке Каира, чем о Рю-де-ла-Пэ Женевы. Его Высочество обычно принимал пищу наверху, но принцессы ужинали каждый вечер в общем зале. Девиц ненавязчиво сопровождала пожилая маленькая англичанка по имени мисс Кинг. Мисс Кинг считалась их гувернанткой, но, несмотря на это, она постоянно сидела за отдельным столиком и девицы не обращали на нее никакого внимания. Однажды, проходя по коридору, Эшенден оказался невольным свидетелем того, как старшая из двух тучных принцесс на французском языке в чем-то убеждает гувернантку. Принцесса делала это настолько злобно и агрессивно, что у Эшендена захватило дух. Вначале она визгливо кричала, а затем неожиданно отвесила пожилой женщине пощечину. Завидев Эшендена, она обожгла его полным ярости взглядом и вбежала в свой номер, захлопнув за собой дверь. Эшенден прошагал с таким видом, словно ничего не заметил.

Поселившись в отеле, Эшенден попытался навязаться к мисс Кинг в знакомые, но та встретила все его заходы даже не холодно, а так, словно они принадлежали к разному вероисповеданию. Он начал с того, что при встрече с ней снял шляпу, на что дама отвечала сухим, чопорным поклоном. Затем он обратился к ней с изустным приветствием, но получал короткий ответ, из которого ясно следовало, что она не желает иметь с ним никакого дела. Но Эшенден не принадлежал к числу тех людей, которых легко обескуражить. Поэтому, призвав на помощь всю свою самоуверенность, он при первой же возможности попытался вступить с ней в беседу. Мисс Кинг выпрямилась во весь рост и ответила по-французски с сильным английским акцентом:

– У меня нет ни малейшего желания знакомиться с посторонними.

Она повернулась к нему спиной, а встретив следующий раз, сделала вид, что его не видит.

Мисс Кинг была крошечной старой женщиной, являя собой небольшое количество костей в мешке из морщинистой кожи. Ее лицо было изборозжено глубокими складками. С первого взгляда становилось ясно, что она носит парик. Накладные волосы мышиного цвета имели весьма сложную прическу, но на голове сидели иногда криво. Кроме того, дама обожала яркую раскраску – ее выдавшие виды щеки украшали алые пятна, а губы были кроваво-красными. Облачалась она в фантастически яркие, веселые наряды, выглядевшие так, словно были куплены по случаю в лавке подержанной одежды. В дневное время мисс Кинг носила огромные, исключительно девичьи шляпки. Вышагивала она в крошечных, элегантных туфельках на высоченном каблуке. Вид ее был настолько гротескным, что вызывал не насмешку, а ужас. Увидев ее на улице, люди впадали в оцепенение и, открыв рты, долго смотрели ей вслед. Эшендену сказали, что мисс Кинг не была в Англии с тех пор, когда ее наняли гувернанткой для матери принца, и мысль о том, что она в течение всех этих долгих лет не видела ничего, кроме гаремов Каира, не могла не приводить его в изумление. Определить ее возраст было невозможно. Страшно представить, сколько кратких восточных жизней промелькнуло перед ее взором и какие мрачные секреты могли храниться в ее памяти! Эшендену было интересно, откуда она родом. Находясь так долго вдали от своей страны, она не могла иметь там ни родственников, ни друзей. Эшенден знал, что она настроена крайне антианглийски, и, судя по тому, насколько грубо она ему ответила, можно было предположить, что ей велели быть с ним настороже. Говорила она только по-французски. Интересно, о чем она размышляла во время обедов и ужинов, сидя в одиночестве за столом? Читает ли она когда-нибудь, спрашивал себя Эшенден. После еды она сразу поднималась наверх, и ее никогда не видели в общих гостиных. Интересно, что она думает об этих эмансипированных принцессах, носящих кричащие платья и танцующих с незнакомыми мужчинами во второразрядных кафе. Когда мисс Кинг, выйдя из обеденного зала, проходила мимо Эшендена, тому показалось, что неподвижную маску ее физиономии исказила гримаса гнева. Создавалось впечатление, что она его активно не любит. Их взгляды

скрестились, и они некоторое время молча смотрели друг на друга. Эшендену казалось, что мисс Кинг хочет сделать все, чтобы ее взор нес в себе молчаливое оскорбление. На старческом, ярко разрисованном лице это могло выглядеть забавным абсурдом, если бы там не было чего-то такого, что вызывало странную жалость. Между тем баронесса де Хиггинс закончила ужин. Взяв свою шейную косынку и ридикюль, она неспешно поплыла между кланяющихся со всех сторон официантов по обширному обеденному залу. Выглядела баронесса необыкновенно величественно. Рядом со столом Эшендена она остановилась.

– Я так рада, что вы сможете сыграть в бридж этим вечером, – сказала баронесса на превосходном английском, с едва заметными следами немецкого акцента. – Не могли бы вы прийти в мою гостиную, после того как закончите ужин и выпьете кофе?

– Какое прекрасное платье, – заметил Эшенден.

– Просто ужасающее. Мне совсем нечего надеть. Поскольку у меня нет возможности поехать в Париж, я не представляю, что мне делать. Эти отвратительные пруссаки, – она повысила голос, и ее «р» стало гортанным, – почему они так стремились втянуть мою бедную страну в эту страшную войну?

Она улыбнулась – это была ослепительная улыбка – и отплыла. Эшенден закончил ужинать одним из последних, и, когда он уходил, зал был почти пуст. Проходя мимо графа Холцминдена, Эшенден, чувствуя какое-то неудержимое веселье, рискнул едва заметно подмигнуть. Германский агент не мог быть до конца уверен, подмигивал ли ему англичанин, а если уловил жест, то напрягал мозги, пытаясь понять, что он может означать. Эшенден поднялся на второй этаж и постучал в дверь баронессы.

– Entrez, entrez⁶, – сказала дама и широко распахнула дверь.

Затем она сердечно потрясла обе руки гостя и провела его в номер. Он увидел, что два человека, призванные довести число игроков до четырех, уже прибыли. Это был принц Али и его секретарь. Эшенден остолбенел.

– Позвольте, Ваше Высочество, представить вам мистера Эшендена, – произнесла баронесса на беглом французском.

Эшенден поклонился и принял протянутую руку. Принц окинул его быстрым взглядом, но ничего не сказал.

– Не знаю, право, встречались ли вы с пашой? – продолжила мадам де Хиггинс.

– Счастлив с вами познакомиться, мистер Эшенден, – сказал секретарь принца, дружески пожимая руку англичанина. – Наша прекрасная баронесса рассказывала о вашем искусстве играть в бридж, а Его Высочество является страстным поклонником этой игры. *N'est-ce pas, Altesse*⁷?

– *Oui, oui*⁸, – ответил Принц.

Мустафе-паше на вид можно было дать лет сорок пять. Крупный, довольно тучный мужчина с большими бегающими глазами и огромными черными усами был облачен в элегантный вечерний костюм, грудь его сорочки украшал крупный бриллиант, а голову – национальный головной убор – феска. Он был чрезмерно словоохотлив, и слова из его рта сыпались безостановочно, словно мраморные шарики из мешка. Паша демонстрировал исключительную вежливость и из кожи лез вон, подчеркивая свое почтение к Эшендену. Принц сидел молча, спокойно глядя на Эшендена из-под тяжелых век.

– Я не встречал вас в клубе, месье. Вы не любитель баккара?

– Играю, но очень редко.

⁶ Входите, входите (*фр.*).

⁷ Не так ли, Ваше Высочество? (*фр.*)

⁸ Да-да (*фр.*).

– Баронесса, которая читает все, сказала мне, что вы замечательный писатель. Я, к сожалению, по-английски не читаю.

Баронесса, сделав Эшендену весьма льстивый комплимент, который он выслушал с приличествующей моменту благодарной вежливостью. Затем, подав гостям кофе и напитки, она достала карты. Эшенден продолжал недоумевать, почему его вдруг пригласили на игру. Он льстил себе, полагая, что питает в отношении себя очень мало иллюзий, что же касается бриджа, то иллюзий не было вовсе. Эшенден знал, что является неплохим игроком второй лиги. Но поскольку ему доводилось часто сидеть за одним столом с асами бриджа, он давно понял, что живет с ними на разных улицах. На сей раз они играли в контракт-бридж, с которым он был не очень знаком. Ставки были высокими, но игра явно лишь служила предлогом для встречи, и Эшенден понятия не имел, какие тайные игрища здесь ведутся. Можно было предположить, что принц и паша, зная, что Эшенден является британским агентом, решили лично узнать, что он представляет собой как личность. Вот уже два дня Эшенден ощущал в атмосфере отеля какое-то напряжение, и эта встреча лишь подтверждала его подозрения. Но он оставался в полном неведении, что в действительности происходит. Ничего серьезного, если судить по последним донесениям его агентов, не происходило. Теперь он был убежден, что за визит швейцарских полицейских он должен благодарить баронессу, а встреча за карточным столом была организована после того, как выяснилось, что детективы ничего не смогли обнаружить. Мотивы встречи оставались тайной, но от игры тем не менее отвлекали. Играя роббер за роббером, Эшенден вел нескончаемую беседу, следя за своими словами не менее внимательно, чем за тем, что говорят другие. Они много говорили о войне, и баронесса – так же как и паша – демонстрировали при этом сильные антигерманские настроения. Сердце баронессы принадлежало Англии, откуда происходили ее предки (грум из Йоркшира), а паша считал Париж своим духовным домом. Когда паша заговорил о ночной жизни Монмартра, принц впервые нарушил молчание.

– *C'est une bien belle ville, Paris*⁹, – сказал он.

– У принца там великолепные апартаменты, – сказал секретарь Его Высочества, – с великолепными картинами и статуями в рост человека.

Эшенден, со своей стороны, поставил их в известность, что с величайшей симпатией относится к национальным устремлениям Египта, а Вену считает наиболее приятной столицей Европы. Он вел себя с ними не менее дружелюбно, чем они по отношению с ним. Но Эшенден не сомневался, что собеседники глубоко заблуждаются, если надеются получить от него информацию, какую не могли вычитать в швейцарских газетах. В какой-то момент ему почудилось, что речь зашла о возможности того, чтобы он им продался. Это было сказано настолько вскользь, что Эшенден не был уверен, правильно ли он все понял. Однако ему давно казалось, что в воздухе витает мысль о том, что талантливый писатель может оказать своей стране большую услугу и одновременно заработать хорошие деньги, если заключит соглашение, способное потрясать бурями человечеству мир. Мир, которого должно искренне жаждать каждое не лишенное чувства гуманности человеческое существо. Было ясно, что в первый вечер много сказано не будет, но Эшенден как можно более уклончиво – не столько словами, сколько дружелюбной манерой держаться, – пытался показать, что готов продолжить разговор на эту тему. Беседуя с пашой и прекрасной австриячкой, Эшенден ощущал на себе внимательный взгляд принца Али и опасался, что тот слишком хорошо читает его мысли. Он подозревал или скорее чувствовал, что принц – человек умный, проницательный и хитрый. Вполне возможно, что после того, как игра закончится и он покинет номер баронессы, принц Али скажет своим компаньонам, что они напрасно потратили время и что с Эшенденом у них ничего не получится.

⁹ Довольно красивый город, этот Париж (*фр.*).

Вскоре после полуночи, после того как завершился очередной роббер, принц поднялся из-за стола.

– Уже поздно, – сказал он, – а мистеру Эшендену завтра, вне сомнения, предстоит много дел. Нам не следует его задерживать.

Эшенден воспринял эти слова как предложение удалиться. Троица осталась, чтобы обсудить положение, а он ушел, так и не избавившись до конца от удивления. Интересно, думал Эшенден, озадачены они, так же, как и он, или нет? Поднявшись в свой номер, он вдруг осознал, что устал как собака. Раздеваясь, он с трудом держал глаза открытыми и уснул сразу, как только нырнул в кровать.

Когда стук в дверь вернул Эшендена в состояние бодрствования, тот был готов поклясться, что спал не более пяти минут. Немного выждав, он спросил:

– Кто там?

– Горничная. Откройте. Мне надо вам что-то сказать.

Ворча проклятия, Эшенден провел рукой по взъерошенным и, увы, начинающим редеть волосам (подобно Юлию Цезарю он не любил выставлять напоказ свою зарождающуюся лысину), открыл замок и распахнул дверь. За порогом стояла горничная-швейцарка. Ей волосы тоже были сильно взъерошены. На ней был передник, но создавалось впечатление, что одевалась она в большой спешке.

– Старая английская леди, гувернантка египетских принцесс, умирает и желает вас видеть.

– Меня? – изумился Эшенден. – Но это невозможно. Я с ней не знаком. Кроме того, этим вечером она была в полном порядке.

Он пребывал в некотором замешательстве и говорил то, что приходило на ум.

– Она просит вас. Доктор говорит, чтобы вы пришли. Она долго не протянет.

– Видимо, здесь какая-то ошибка. Дама не может этого желать.

– Она назвала ваше имя и номер вашей комнаты. Повторяет: «Быстрее, быстрее».

Эшенден пожал плечами. Он вернулся в спальню, сунул ноги в шлепанцы, влез в ночной халат и, немного подумав, опустил в карман небольшой револьвер. Эшенден больше полагался на свой острый ум, нежели на огнестрельное оружие, имеющее склонность стрелять в неподходящий момент, производя при этом большой шум. Но бывают моменты, когда ощущение рукоятки под пальцами придает уверенность, а это неожиданное приглашение выглядело, мягко говоря, чрезвычайно таинственным. Предположение, что два любезных, немного тучных египетских джентльмена возжелали устроить ему ловушку, выглядело нелепым, но в деле, которым занимался Эшенден, унылая рутина иногда имела склонность без стыда и совести превращаться в мелодраму шестидесятых годов. Если страсть вынуждает нас нахально прибегать к избитым фразам, то случай позволяет продемонстрировать наше равнодушие по отношению к банальностям литературного сборища.

Номер мисс Кинг располагался двумя этажами выше апартаментов Эшендена, и, поднимаясь по лестнице в сопровождении горничной, он спросил девушку, что случилось со старухой-гувернанткой. Девушка оказалась суматошной и довольно глупой.

– Не знаю, но думаю, что у нее случился удар. Ночной портье меня разбудил и сказал, что месье Бридэ требует, чтобы я немедленно поднялась к ней.

Месье Бридэ был помощником управляющего.

– Сколько сейчас времени? – поинтересовался Эшенден.

– Наверное, три часа.

Они подошли к дверям мисс Кинг, и горничная постучала. Открыл дверь месье Бридэ. Его, видимо, вырвали из сна, и выглядел он совершенно нелепо. На нем были серые брюки, поверх пижамы был накинут черный фрак, а на босых ногах красовались домашние шлепанцы.

Его обычно гладко уложенные волосы стояли дыбом. Узрев Эшендена, месье Бридэ рассыпался в извинениях:

– Простите великодушно, месье Эшенден, за беспокойство, но она все время спрашивала о вас, и доктор сказал, что за вами надо кого-нибудь послать.

– Это не имеет значения, – сказал Эшенден и вошел в номер.

Мисс Кинг обитала в крошечном, расположенном в задней части дома номере. Все окна в комнате были закрыты, а шторы задернуты. Но зато все лампы оказались включенными. В помещении стояла страшная жара. Доктор, чернобородый, седоватый швейцарец стоял рядом с кроватью. Месье Бридэ, несмотря на свой костюм и заметную растерянность, сохранив достаточное присутствие духа для того, чтобы выглядеть внимательным управляющим, произвел представление по всей форме.

– Это – мистер Эшенден, о котором спрашивала мисс Кинг, – доктор Арбос с медицинского факультета женевского университета.

Не говоря ни слова, доктор показал на кровать. На ней лежала мисс Кинг. Взглянув на нее, Эшенден испытал подлинный шок. На голове женщины был завязанный под подбородком огромный белый чепец (войдя в комнату, он увидел на туалетном столике подставку с каштановым париком на ней), а одеянием служила застегнутая высоко на шее длинная и широкая ночная рубашка белого же цвета. Ночной чепец и рубашка принадлежали прошлому веку и заставляли вспомнить иллюстрации Крукшенка к романам Чарльза Диккенса. Ее лицо все еще блестело от крема, которым она перед тем, как отправиться спать, снимала макияж. Сделала она это небрежно, и над ее бровями виднелись черные мазки, а на щеках – красные. В постели она казалось очень маленькой – совсем как ребенок, – но безмерно старой.

Ей, должно быть, далеко за восемьдесят, подумал Эшенден.

Мисс Кинг походила сейчас не на человека, а на куклу – карикатуру на старую, старую, которую, чтобы немного развлечься, смастерил кукольник. Она лежала на спине абсолютно неподвижно, и ее крошечное тело под покровом одеяла было едва заметно. Личико мисс Кинг было даже меньше, чем обычно, поскольку она вынула вставную челюсть. Ее можно было бы принять за покойницу, если бы не глаза, выглядевшие необычно большими на усохшей маске лица. Немигающий взгляд больной был устремлен в пространство. Эшендену показалось, что, когда мисс Кинг его увидела, выражение ее глаз изменилось.

– Весьма сожалею, мисс Кинг, что мне пришлось увидеть вас в таком положении, – с натянутой веселостью произнес он.

– Она не может говорить, – сказал доктор. – В то время, когда горничная ходила за вами, с ней случился еще один небольшой удар. Я только что сделал ей инъекцию. Чуть позже ее речь может частично восстановиться. Она хочет вам что-то сказать.

– Я охотно подожду, – ответил Эшенден.

Ему почудилось, что в больших черных глазах мисс Кинг мелькнуло облегчение. Несколько секунд они все четверо стояли вокруг кровати, глядя на умирающую женщину.

– Что же, если я здесь ничем не могу помочь, то, пожалуй, вернусь в постель, – произнес месье Бридэ.

– Alle, mon ami¹⁰, – сказал доктор. – Вы ничего не можете сделать.

– Не мог бы я перекинуться с вами парой слов? – спросил месье Бридэ, обращаясь к Эшендену.

– Конечно.

Доктор заметил, что в глазах мисс Кинг мелькнул страх.

– Не тревожьтесь, – мягко произнес он. – Месье Эшенден не уходит. Он пробудет здесь ровно столько, сколько вы пожелаете.

¹⁰ Идите, друг мой (*фр.*).

Помощник управляющего вывел Эшендена в коридор, прикрыв за собой дверь так, чтобы оставшиеся в номере не услышали его приглушенного голоса.

– Могу ли я полагаться на вашу скромность, мистер Эшенден? – спросил он. – Крайне неприятно, когда в отеле кто-нибудь умирает. Остальным гостям это не нравится, и мы обязаны сделать все, чтобы они об этом не узнали. Тело вывезут при первой возможности, и я буду вам безмерно обязан, если вы никому не скажете, что в гостинице кто-то умер.

– Можете не сомневаться – этого не произойдет, – ответил Эшенден.

– Весьма печально, что управляющий не смог быть здесь этой ночью. Боюсь, что он будет крайне недоволен. Если бы было возможно, то я, вне сомнения, послал бы за каретой «Скорой помощи», и ее увезли бы в больницу. Однако доктор категорически запретил мне это делать, сказав, что она может умереть еще до того, как мы спустим ее вниз. Я не виноват в том, что она умирает в отеле.

– Смерть часто приходит без учета времени, – пробормотал Эшенден.

– В конце концов, она очень старая женщина, и ей следовало бы умереть много лет тому назад. С какой стати этот египетский принц захотел иметь такую старую гувернантку? Ему давным-давно следовало бы отослать ее на родину. От этих восточных людей всегда одно беспокойство.

– А где сейчас принц? – спросил Эшенден. – Она находилась у него в услужении много-много лет. Может быть, вам следует его разбудить?

– Его нет в отеле. Ушел вместе со своим секретарем. Возможно, играет в баккара. Не знаю. Как бы то ни было, но я не могу послать людей, чтобы они разыскивали его по всей Женеве.

– А принцессы?

– Они еще не вернулись. Крайне редко появляются до рассвета. Принцессы без ума от танцев. Мне неизвестно, где они сейчас находятся, да и в любом случае они не были мне признательны за то, что я положил конец их приятному времяпрепровождению только потому, что их гувернантка получила удар. Я прекрасно знаю, что они собой представляют. Как только они появятся, ночной портье им все скажет, и девицы могут поступать, как им заблагорассудится. Она, во всяком случае, их всех видеть не желает. Когда ночной портье притащил меня сюда и я поинтересовался у нее, где Его Высочество, она изо всех сил крикнула: «Нет, нет!».

– Выходит, она могла говорить?

– Да, в некотором роде. Но меня очень удивило, что она говорила по-английски. Она всегда упорно говорила на французском языке. Дама, если вы этого не знаете, ненавидела англичан.

– Чего же она от меня хотела?

– Этого я сказать вам не могу. Мисс Кинг заявила, что ей немедленно надо вам кое-что сообщить. Мне кажется забавным, что ей был известен номер ваших апартаментов. Вначале, когда она захотела вас увидеть, я не разрешил кого-либо к вам посылать. Я не могу допустить, чтобы наших клиентов тревожили среди ночи, потому что их пожелала увидеть какая-то безумная женщина. Насколько я понимаю, у вас есть право на сон. Но когда появился доктор, мисс Кинг стала требовать встречи с вами более настойчиво. Женщина не оставляла нас в покое, а когда я сказал, что надо подождать до утра, она расплакалась.

Эшенден внимательно посмотрел на помощника управляющего. Судя по его виду, в описываемой им сцене он не видел ничего, что могло тронуть душу.

– Доктор спросил, кто вы такой, и когда я ему сказал, он предположил, что больная желает видеть вас, возможно, потому, что вы ее соотечественник.

– Не исключено, – сухо произнес Эшенден.

– Что же, а теперь я попытаюсь немного поспать. Я велел ночному портье меня разбудить, когда все кончится. По счастью, ночи в это время года длинные, и если все пойдет хорошо, мы сможем вывезти тело еще до рассвета.

Эшенден вернулся в комнату, и взгляд темных глаз умирающей женщины замер на нем. Ему казалось, что он должен произнести нечто утешительное, однако, заговорив, подумал, как глупо звучат слова, обращенные к тяжелобольным.

– Боюсь, что вы чувствуете себя очень скверно, мисс Кинг.

Ему показалось, что в ее глазах мисс Кинг промелькнули искры гнева, и Эшенден подумал, что ее привела в ярость никчемность произнесенных им слов.

– Вы можете подождать? – спросил доктор.

– Конечно, могу.

Все началось с того, что ночного портье разбудил телефонный звонок из номера мисс Кинг, он поднял трубку, но голоса не услышал. Телефон меж тем продолжал трезвонить. Портье поднялся наверх и постучал в дверь. Открыв замок служебным ключом, он вошел и увидел мисс Кинг лежащей на полу. Рядом с ней валялся телефон. Создавалось впечатление, что, почувствовав себя плохо, она сняла трубку, чтобы позвать на помощь, но потеряла сознание. Ночной портье кинулся за помощником управляющего, и они вдвоем подняли ее на кровать. После этого помощник разбудил горничную и отправил ее за доктором. Эшенден испытывал какое-то странное чувство оттого, что доктор излагает ему эти факты, невзирая на то, что его повествование могла слышать мисс Кинг. Он говорил так, словно она не могла понять его французского, – говорил так, словно женщина уже умерла.

Затем доктор сказал:

– Боюсь, что я больше ничего не могу сделать и мое пребывание здесь бесполезно. Если произойдут какие-либо изменения, мне можно будет позвонить.

Эшенден, понимая, что мисс Кинг может оставаться в подобном положении много часов, пожал плечами и сказал:

– Хорошо.

Доктор легонько похлопал мисс Кинг по щеке с остатками румян так, словно старуха была ребенком.

– Попытайтесь уснуть, – сказал он. – Я вернусь утром.

Он упаковал саквояж, в котором носил медицинские инструменты, вымыл руки и влез в тяжелое пальто. Эшенден проводил его до дверей, и, когда они пожимали друг другу руки, доктор дал прогноз течения болезни, скривив скрытый в бороде рот. Вернувшись в номер, Эшенден взглянул на горничную. Она с тревожным видом сидела на краешке стула, словно ее пугало присутствие смерти. Ее широкое, некрасивое лицо опухло от усталости.

– В вашем пребывании здесь нет необходимости, – сказал Эшенден. – Почему бы вам не пойти поспать?

– Месье не захочет оставаться один. Кому-то следует быть с ним.

– Но почему? Завтра вам предстоит рабочий день.

– Да. В любом случае я должна подняться в пять утра.

– Тогда попытайтесь хотя бы немного поспать. Вы сможете заглянуть сюда, когда проснетесь. Alle.

– Как будет угодно джентльмену. Но я охотно осталась бы.

Эшенден улыбнулся и покачал головой.

– Bonsoir, ma pauvre mademoiselle¹¹, – сказала горничная.

¹¹ Спокойной ночи, моя бедная мадемуазель (фр.).

Девушка вышла, и Эшенден остался один. Он сел рядом с кроватью, и его взгляд снова встретился со взглядом умирающей. Эшенден испытывал неловкость, глядя в эти немигающие глаза.

– Не волнуйтесь, мисс Кинг, – сказал он. – У вас случился легкий удар. Не сомневаюсь, что через минуту-другую к вам вернется речь.

Эшенден был уверен, что заметил в ее темных глазах отчаянное стремление что-то сказать. Да, он не ошибся. Мозг умирающей буквально трепетал от желания, но парализованное тело не имело возможности ему повиноваться. Ее разочарование проявило себя очень ясно. Она заплакала, и по морщинистому лицу потекли слезы. Эшенден достал свой носовой платок и осушил влагу.

– Не терзайте себя, мисс Кинг. Немного терпения, и вы, вне сомнения, сможете сказать все, что хотите.

Он не знал, был ли это плод его фантазии, или он действительно прочитал в ее взгляде мысль о том, что у нее нет времени на ожидание. Возможно, что он просто приписал ей то, о чем думал сам. На туалетном столике находились недорогие туалетные принадлежности гувернантки – инкрустированные серебром гребни и зеркало в серебряной оправе. В углу комнаты стоял выдавший виды черный дорожный кофр, а на гардеробе обитала огромная шляпная коробка из потертой кожи. В элегантном гостиничном номере с палисандровой мебелью все эти предметы казались убогой дешევкой. Свет в комнате слепил глаза.

– Может быть, вам будет удобнее, если я погашу часть ламп? – спросил Эшенден.

Оставив гореть лишь одну лампу на прикроватной тумбочке, он снова уселся. Ему страшно хотелось курить. Их взгляды снова встретились. У этой старой-престарой женщины продолжали жить только глаза. Эшенден был уверен, что ей надо что-то срочно ему сказать. Но что? Что именно? Возможно, она захотела видеть его только потому, что, почувствовав приближение смерти, у нее, столько лет пробовавшей вдали от родной, давно забытой страны, вдруг возникло желание увидеть рядом со своим смертным ложем кого-то из соотечественников. Так, во всяком случае, считал доктор. Но почему она послала именно за ним? В отеле остановились и другие англичане. Среди гостей была пожилая пара – отставной гражданский чиновник из Индии и его супруга. Было бы гораздо уместнее, если бы она обратилась к ним. Более чуждого для нее человека, нежели Эшенден, в отеле не было.

– У вас есть что мне сказать, мисс Кинг? – спросил он.

Ответ он попытался прочитать в ее глазах. Осмысленный взгляд был по-прежнему обращен на него, но о том, что именно он означал, Эшенден не имел ни малейшего представления.

– Не надо бояться, что я уйду. Я останусь здесь до тех пор, пока вы этого хотите.

Ничего. Эшенден смотрел в черные глаза, и ему казалось, что глаза сияют каким-то таинственным светом, словно в их глубине пылает пламя. Глаза продолжали удерживать требовательным взглядом. А может быть, мисс Кинг послала за ним, так как знала, что он – британский агент? Неужели перед смертью она почувствовала неожиданное отвращение к тому, что так много лет было смыслом ее жизни, и у нее снова пробудилась любовь к своей стране – любовь, беспробудно спавшая половину столетия? И ее охватило неудержимое желание принести пользу тому, что когда-то принадлежало ей. «Я глупец, если придаюсь столь идиотским фантазиям, – подумал Эшенден, – подобные выдумки присущи лишь дешевым и вульгарным романам». С другой стороны, теперь каждый перестал быть самим собой, и патриотизм, бывший в мирное время уделом политиков, публицистов и дураков, в темные времена стал чувством, способным затронуть самые тайные струны сердца. Патриотизм способен толкнуть человека на странные поступки. Забавно, что умирающая не захотела увидеть принца и его дочерей. Может быть, она их вдруг возненавидела? Может быть, она почувствовала, что по их вине стала предательницей, и в последний миг жизни решила что-то исправить? (Все это крайне маловероятно, а мисс Кинг – всего лишь глупая старая дева, которой следовало уме-

реть много лет тому назад.) Но нельзя игнорировать даже то, что представляется маловероятным. Эшенден был каким-то странным убежден (хотя его здравый смысл протестовал против этого), что мисс Кинг владеет тайной, которой жаждет с ним поделиться. Она послала за ним, потому что знала, чем он занимается, и надеялась, что он сможет употребить ее слова на пользу. Она умирала и уже не испытывала страха. Действительно ли важно то, что она хочет сказать? Эшенден наклонился вперед, чтобы лучше понять, о чем говорят ее глаза. Возможно, это было нечто совершенно тривиальное, что казалось значительным лишь ее старому, изношенному мозгу. Эшендену было тошно от людей, видевших шпиона в каждом безобидном прохожем и заговор в самом невинном стечении обстоятельств. Он был готов поставить сто к одному, что от сообщения мисс Кинг, если к ней вернется дар речи, пользы никому не будет.

Но старая женщина могла знать и очень много! Обладая острым зрением и слухом, она могла иметь возможность узнать то, что тщательно скрывалось от людей, казавшихся не столь незначительными. Эшенден снова подумал о тех действительно важных событиях, которые, как ему казалось, затеваются вокруг него. Появление Хольцминдена в отеле именно в этот день представлялось ему фактом весьма любопытным. И с какой стати такие азартные картежники, как принц Али и паша, потратили целый вечер, играя с ним в контрактный бридж? Могло быть так, что у них созрел новый план. Нельзя исключать того, что назревают какие-то великие события, и сообщение старой женщины сможет изменить положение в мире. Оно может означать поражение или победу. Означать все, что угодно. И вот она лежит перед ним, лишенная дара речи. Эшенден долго смотрел на нее молча, а затем вдруг громко спросил:

– Имеет ли это какое-нибудь отношение к войне, мисс Кинг?

Что-то промелькнуло в ее глазах, а маленькое, старое лицо задрожало. Это движение нельзя было не заметить. Происходило нечто странное и ужасное. Эшенден затаил дыхание. Крошечное, иссохшее тело содрогнулось в судороге, и старая женщина, словно собрав в кулак оставшуюся волю, села в кровати. Эшенден вскочил со стула, чтобы ее поддержать.

– Англия, – выкрикнула она единственным словом неприятным, надтреснутым голосом и упала ему на руки.

Укладывая ее на подушку, Эшенден увидел, что она мертва.

Безволосый Мексиканец

12

– Вы любите макароны? – спросил Р.

– Что именно вы имеете в виду? – отозвался Эшенден. – Все равно как если бы спросили, люблю ли я стихи. Я люблю Китса, и Вордсворта, и Вердена, и Гете. Что вы подразумеваете, говоря про макароны: spaghetti, tagliatelli, vermicelli, fettuccini, tufali, farfalli или просто макароны?

– Макароны, – ответил Р., который был скуп на слова.

– Я люблю все простые блюда: вареные яйца, устрицы и черную икру, отварную форель, лососину на вертеле, жареного барашка (предпочтительно седло), холодную куропатку, пирожок с патокой и рисовый пудинг. Но изо всех простых блюд единственное, что я способен есть каждый божий день не только без отвращения, но с неослабевающим аппетитом, это макароны.

– Рад слышать, так как хочу, чтобы вы съездили в Италию.

Эшенден прибыл в Лион для встречи с Р. из Женевы и, приехав первым, пробродил до вечера по серым, шумным и прозаичным улицам этого процветающего города. Теперь они сидели в ресторане на площади – Эшенден встретил Р. и привел его сюда, потому что, как считалось, во всей этой части Франции не было другого заведения, где бы так же хорошо кормили. Но поскольку в таком многолюдном месте (лионцы любят вкусно поесть) никогда не знаешь, не ловят ли чьи-нибудь любопытные уши каждое полезное сведение, которое сорвется с твоих уст, они беседовали лишь на отвлеченные темы. Роскошная трапеза подходила к концу.

– Еще коньяку? – предложил Р.

– Нет, спасибо, – ответил Эшенден, более склонный к воздержанию.

– Надо по возможности скрашивать тяготы военного времени, – сказал Р., взял бутылку и налил себе и Эшендену.

Эшенден, сознавая, что ломаться дурно, смолчал, зато счел себя обязанным возразить против того, как шеф держит бутылку.

– Когда мы были молоды, нас учили, что женщину надо брать за талию, а бутылку за горлышко, – негромко заметил он.

– Хорошо, что вы мне сказали. Я буду и впредь брать бутылку за талию, а женщин обходить стороной.

Эшенден не нашелся, что ответить. Пока он маленькими глотками пил коньяк, Р. распорядился, чтобы подавали счет. Он, бесспорно, был влиятельным человеком, от него зависели душой и телом многие его сотрудники, к его мнению прислушивались те, кто вершил судьбы империй; однако, когда надо было дать официанту на чай, такая простая задача приводила его в замешательство, заметное невооруженным глазом. Он опасался и переплатить и тем свалить дурака, и недоплатить, а значит, возбудить ледяное презрение официанта. Когда принесли счет, он протянул Эшендену несколько стофранковых бумажек и попросил:

– Рассчитайтесь с ним, ладно? Я не разбираюсь во французских ценах.

Слуга подал им пальто и шляпы.

– Хотите вернуться в гостиницу? – спросил Эшенден.

– Пожалуй.

Была еще совсем ранняя весна, но к вечеру вдруг сильно потеплело, и они шли, перекинув пальто через руку. Эшенден, зная, что шеф любит номера с гостиными, снял ему двухкомнатный номер, куда они теперь и направились. Гостиница была старомодная, помещения просторные, с высокими потолками. В гостиной стояла громоздкая, красного дерева мебель с

обивкой из зеленого бархата, кресла чинно расставлены вокруг большого стола. По стенам на бледных обоях – крупные гравюры, изображающие битвы Наполеона, под потолком грандиозная люстра, первоначально газовая, но теперь переделанная под электрические лампочки. Они заливали неприветливую комнату сильным, холодным светом.

– Прекрасно, – входя, сказал Р.

– Не очень-то уютно, – заметил Эшенден.

– Согласен, но судя по всему, это здесь самый лучший номер, так что все превосходно.

Он отодвинул от стола одно из зеленых бархатных кресел, уселся и закурил сигару. И при этом распустил пояс и расстегнул китель.

– Раньше мне казалось, что нет ничего лучше манильской сигары, – сказал он, – но с начала войны я полюбил гаваны. Ну, да вечно она продолжаться не будет. – Углы его рта тронуло подобие улыбки. – Во всяком деле есть своя положительная сторона. Плох тот ветер, который никому не приносит удачи.

Эшенден сдвинул два кресла, одно – чтобы сидеть, другое – чтобы положить ноги. Р. посмотрел и сказал:

– Неплохая мысль, – и, подтянув к себе еще одно кресло, со вздохом облегчения уложил на бархат свои сапоги.

– Что за стеной? – спросил он.

– Ваша спальня.

– А с той стороны?

– Банкетный зал.

Р. встал и медленно прошелся по комнате, отворачивая край тяжелых репсовых портьер, выглянул, будто бы невзначай, в каждое окно, потом возвратился к своему креслу и снова уселся, удобно задрав ноги.

– Осторожность не мешает, – произнес он. И задумчиво посмотрел на Эшендена. Его тонкие губы слегка улыбались, но белесые, близко посаженные глаза оставались холодными, стальными. Под таким взглядом с непривычки легко было растеряться. Но Эшенден знал, что шеф просто обдумывает, как лучше приступить к разговору. Молчание длилось минуты три. Потом Р. наконец сказал:

– Я жду к себе сегодня одного человека. Его поезд прибывает около десяти. – Он мельком взглянул на часы. – Этот человек носит прозвище Безволосый Мексиканец.

– Почему?

– Потому что он без волос и потому что мексиканец.

– Объяснение исчерпывающее, – согласился Эшенден.

– Он сам вам о себе все расскажет. Он человек разговорчивый. Я познакомился с ним, когда он сидел совсем на мели. Он принимал участие в какой-то революции у них там в Мексике и вынужден был удрать налегке, в чем был. И когда я его нашел, то, в чем он был, уже тоже пришло в негодность. Захотите сделать ему приятное, называйте его «генерал». Он утверждает, что был генералом в армии Уэрты, да, помнится, Уэрты; во всяком случае, по его словам, если бы обстоятельства сложились иначе, он был бы сейчас военным министром и пользовался бы огромным весом. Он оказался для нас человеком весьма ценным. Худого про него не скажу. Вот только одно: злоупотребляет парфюмерией.

– А при чем тут я? – спросил Эшенден.

– Он едет в Италию. У меня для него имеется довольно щекотливое поручение, и я хочу, чтобы вы находились поблизости. Я не склонен доверять ему большие суммы. Он игрок и слишком любит женщин. Вы приехали из Женевы с паспортом на имя Эшендена?

– Да.

– У меня есть для вас другой, кстати, дипломатический, на имя Сомервилла, с французской и итальянской визами. Думаю, что вам лучше ехать вместе. Он занятный тип, когда разойдется, и вам полезно будет познакомиться поближе.

– А что за поручение?

– Я еще не решил окончательно, насколько вас стоит посвящать в это дело.

Эшенден промолчал. Они сидели и смотрели друг на друга, как смотрят два незнакомых человека в одном купе, гадая, что собой представляет сосед.

– На вашем месте я бы говорить предоставил в основном генералу. Вам лучше не сообщать ему о себе ничего лишнего. Вопросов задавать он не будет, в этом могу поручиться, он в своем роде, как бы сказать, джентльмен.

– Кстати, а как его настоящее имя?

– Я зову его Мануэль. Не уверен, что ему это нравится, его имя – Мануэль Кармона.

– Насколько я понимаю из того, о чем вы умалчиваете, он проходимец высшей пробы.

Р. улыбнулся своими белесо-голубыми глазами.

– Пожалуй, это слишком сильно сказано. Конечно, он не учился в закрытой школе. Его понятия о честной игре не вполне совпадают с вашими и моими. Может быть, я и побоялся бы оставить вблизи от него золотой портсигар, но если он проиграет вам в покер, а потом стянет ваш портсигар, он его тут же заложит, чтобы вернуть карточный долг. При мало-мальски удобном случае он непременно соблазнит вашу жену, но в трудную минуту поделится с вами последней коркой. Он будет проливать слезы у патефона, если ему завести «Ave Maria» Гуно, но попробуйте оскорбить его достоинство, и он пристрелит вас как собаку. В Мексике, например, считается оскорбительным становиться между человеком и его выпивкой, так вот, он рассказывал мне, что один голландец по неведению прошел как-то между ним и стойкой в баре, а он выхватил револьвер и застрелил его.

– И ничего ему не было?

– Нет, он принадлежит к одному из лучших семейств. Дело замяли, в газетах было сообщение, что голландец кончил жизнь самоубийством. Так оно в каком-то смысле и было. Безволосый Мексиканец, кажется, не очень высоко ценит человеческую жизнь.

Эшенден, внимательно слушавший Р., чуть вздрогнул и взглянул пристальнее прежнего в желтое, изможденное, в глубоких складках лицо шефа. Он понимал, что это было сказано не просто так.

– На самом деле о ценности человеческой жизни говорится много вздора. С таким же успехом можно приписывать самостоятельную ценность фишкам, которыми пользуются в покере. Они стоят столько, сколько вы назначите. Для генерала, дающего бой, солдаты – всего-навсего фишки, и очень глупо будет, если он посентиментальничает и позволит себе относиться к ним как к людям.

– Но дело в том, что эти фишки умеют чувствовать и рассуждать и, если сочтут, что их растрачивают впустую, еще, глядишь, откажутся служить.

– Ну, да не о том речь. Мы получили сведения, что некто по имени Константин Андреади выехал из Константинополя, имея при себе ряд документов, которые нам нужны. Он грек, агент Энвера-паши. Энвер ему очень доверяет. Он дал ему устные поручения, настолько важные и секретные, что их сочтено невозможным доверить бумаге. Этот человек отплывает из Пирея на судне «Итака» и высадится в Бриндизи, откуда проследует в Рим. Дешевеши он должен доставить в германское посольство, а устное сообщение передать лично послу.

– Так. Понятно.

В это время Италия еще сохраняла нейтралитет. Центральные державы напрягали все силы, стремясь удержать ее в этой позиции, а союзники давили на нее как могли, чтобы она объявила войну на их стороне.

– Мы ни в коем случае не хотим неприятностей с итальянскими властями, это могло бы привести к самым скверным последствиям. Но нельзя допустить, чтобы Андреади попал в Рим.

– Любой ценой?

– За деньгами дело не станет, – сардонически усмехнулся Р.

– И что предполагается предпринять?

– Это не ваша забота.

– Но у меня богатое воображение.

– Я хочу, чтобы вы вместе с Безволосым Мексиканцем поехали в Неаполь. Он сейчас рвется на Кубу. Его друзья готовят выступление, и он стремится быть поблизости, чтобы в удобный момент одним прыжком очутиться в Мексике. Ему нужны деньги. Я привез с собой некоторую сумму в американских долларах и сегодня же передам ее вам. Деньги лучше всего носите при себе.

– Много там?

– Порядочно, но я считал, что вам будет удобнее, если пакет окажется компактным, поэтому здесь тысячедолларовые банкноты. Вы вручите их Безволосому Мексиканцу в обмен на документы, которые везет Андреади.

На языке у Эшендена вертелся вопрос, но он его не задал. Вместо этого он спросил:

– А он знает, что от него требуется?

– Несомненно.

Раздался стук. Дверь отворилась – перед ними стоял Безволосый Мексиканец.

– Я приехал. Добрый вечер, полковник. Счастлив вас видеть.

Р. встал.

– Как доехали, Мануэль? Это мистер Сомервилл, он будет сопровождать вас в Неаполь, генерал Кармона.

– Приятно познакомиться, сэр.

Он с силой пожал Эшендену руку. Эшенден поморщился.

– У вас железные руки, генерал, – заметил он.

Мексиканец бросил взгляд на свои руки.

– Я сделал маникюр сегодня утром. К сожалению, не очень удачно. Я люблю, чтобы ногти блестели гораздо ярче.

Ногти у него были заострены, выкрашены в ярко-красный цвет и, на взгляд Эшендена, блестели, как зеркальные. Несмотря на теплую погоду, генерал был в меховом пальто с каракулевым воротником. При каждом движении он источал резкий парфюмерный запах.

– Раздевайтесь, генерал, и закуривайте сигару, – пригласил Р.

Безволосый Мексиканец оказался довольно рослым и скорее худощавым, но производил впечатление большой физической силы; одет он был в модный синий костюм, из нагрудного кармана эффектно торчал край шелкового носового платка, на запястье поблескивал золотой браслет. Черты лица у него были правильные, но неестественно крупные, а глаза карие, с глянцем. У него совсем не было волос. Желтоватая кожа гладкая, как у женщины, ни бровей, ни ресниц; а на голове довольно длинный светло-каштановый парик, и локоны ниспадали на шею в нарочито артистическом беспорядке. Эти искусственные локоны и гладкое изжелта-бледное лицо в сочетании с франтовским костюмом создавали вместе облик, на первый взгляд слегка жутковатый. Безволосый Мексиканец был с виду отвратителен и смешон, но от него трудно было отвести взгляд – в его странности было что-то завораживающее.

Он сел и подпернул брючины, чтобы не было мешков на коленках.

– Ну, Мануэль, сколько вы сегодня разбили сердец? – с насмешливым дружелюбием спросил Р.

Генерал обратился к Эшендену:

– Наш добрый друг полковник завидует моему успеху у прекрасного пола. Я убеждаю его, что он может добиться того же, если только послушает меня. Уверенность в себе – вот все, что необходимо. Если не бояться получить отпор, то никогда его и не получишь.

– Вздор, Мануэль, тут нужен ваш природный талант. В вас есть что-то для них неотразимое.

Безволосый Мексиканец рассмеялся с самодовольством, которое и не пытался скрыть. По-английски он говорил прекрасно, с испанским акцентом и с американской интонацией.

– Но раз уж вы спрашиваете, полковник, могу признаться, что разговорился в поезде с одной дамочкой, которая ехала в Лион навестить свекровь. Дамочка не так чтобы очень молодая и посухошавее, чем я люблю, но все же приемлемая, она помогла мне скоротать часок-другой.

– А теперь перейдем к делу, – сказал Р.

– Я к вашим услугам, полковник. – Он посмотрел на Эшендена. – Мистер Сомервилл – человек военный?

– Нет, – ответил Р. – Он писатель.

– Что ж, как говорится, божий мир состоит из разных людей. Я рад нашему знакомству, мистер Сомервилл. У меня найдется немало историй, которые вас заинтересуют; уверен, что мы с вами превосходно поладим, у вас симпатичное лицо. Сказать вам правду, я весь – сплошной комок нервов, и если приходится иметь дело с человеком, мне антипатичным, я просто погибаю.

– Надеюсь, наше путешествие будет приятным, – сказал Эшенден.

– Когда этот господин ожидается в Бриндизи? – спросил Мексиканец у Р.

– Он отплывает из Пирея на «Итаке» четырнадцатого. Вероятно, это какая-то старая калоша, но лучше, если вы попадете в Бриндизи загодя.

– Вполне с вами согласен.

Р. встал с кресла и, держа руки в карманах, присел на край стола. В своем потертом кителе с расстегнутым воротом он рядом с вылощенным, франтоватым Мексиканцем выглядел довольно непрезентабельно.

– Мистеру Сомервиллу почти ничего не известно о поручении, которое вы выполняете, и я не хочу, чтобы вы его посвящали. По-моему, вам лучше держать язык за зубами. Он уполномочен снабдить вас суммой, потребной для вашей работы, но какой именно образ действий вы выберете, его не касается. Разумеется, если вам нужен будет его совет, можете его спросить.

– Я редко спрашиваю и никогда не выполняю чужих советов.

– И если вы провалите операцию, надеюсь, я могу рассчитывать на то, что Сомервилл останется в стороне. Он не должен быть скомпрометирован ни при каких обстоятельствах.

– Я человек чести, полковник, – с достоинством ответил Безволосый Мексиканец, – и скорее позволю себя изрезать на мелкие куски, чем предам товарища.

– Именно это я только что говорил мистеру Сомервиллу. С другой стороны, если все пройдет удачно, Сомервилл уполномочен передать вам оговоренную сумму в обмен на бумаги, о которых у нас с вами шла речь. Каким образом вы их добудете, не его забота.

– Само собой разумеется. Я хочу только уточнить одно обстоятельство. Мистер Сомервилл, надеюсь, сознает, что дело, которое вы мне доверили, я предпринимаю не ради денег?

– Безусловно, – не колеблясь, ответил Р., глядя ему прямо в глаза.

– Я телом и душой на стороне союзников, я не мог простить немцам надругательства над нейтралитетом Бельгии, а деньги если и беру, то исключительно потому, что я прежде всего патриот. Я полагаю, что мистеру Сомервиллу я могу доверять безоговорочно?

Р. кивнул. Мексиканец обернулся к Эшендену.

– Снаряжаются экспедиционные силы для освобождения моей несчастной родины от тиранов, которые ее эксплуатируют и разоряют, и каждый пенс, полученный мною, пойдет на

ружья и патроны. Лично мне деньги не нужны: я солдат и могу обойтись коркой хлеба и горстью маслин. Есть только три занятия, достойные дворянина: война, карты и женщины; чтобы вскинуть винтовку на плечо и уйти в горы, деньги не нужны – а это и есть настоящая война, не то что всякие там переброски крупных частей и стрельба из тяжелых орудий, – женщины любят меня и так, а в карты я всегда выигрываю.

Эшендену начинала положительно нравиться эта необыкновенная вычурная личность с надушенным платочком и золотым браслетом. Не какой-то там «средний обыватель» (чью тиранию мы клянем, но всегда в конце концов покоряемся), а яркое, живое пятно на сером фоне толпы, настоящая находка для ценителя диких человеческой природы. В парике, несуразно мордастый и без единого волоса на коже, он был, бесспорно, по-своему импозантен и, несмотря на нелепую внешность, производил впечатление человека, с которым шутки плохи. Он был великолепен в своем самодовольстве.

– Где ваши пожитки, Мануэль? – спросил Р.

Возможно, что Мексиканец чуть-чуть, самую малость, нахмурился при этом вопросе, заданном, пожалуй, не без доли высокомерия, едва он успел закончить свою пышную тираду. Однако больше он ничем не выказал недовольства. Эшенден подумал, что он, наверно, считает полковника варваром, которому недоступны высокие чувства.

– На вокзале.

– У мистера Сомервилла дипломатический паспорт, он сможет, если угодно, провезти ваши вещи со своим багажом, без досмотра.

– Моя поклажа невелика, несколько костюмов и немного белья, но, пожалуй, будет действительно лучше, если мистер Сомервилл возьмет заботу о ней на себя. Перед отъездом из Парижа я купил полдюжины шелковых пижам.

– А ваши вещи? – спросил Р. у Эшендена.

– У меня только один чемодан. Он находится в моем номере.

– Велите отправить его на вокзал, пока еще в гостинице кто-то есть. Ваш поезд отходит в час десять.

– Вот как?

Эшенден только сейчас впервые услышал о том, что их отъезд назначен на ту же ночь.

– Я считаю, что вам надо попасть в Неаполь как можно скорее.

– Хорошо.

Р. встал.

– Не знаю, как кто, а я иду спать.

– Я хочу побродить по Лиону, – сказал Безволосый Мексиканец. – Меня интересует жизнь. Одолжите мне сотню франков, полковник. У меня при себе нет мелочи.

Р. вынул бумажник и дал генералу одну банкноту. Потом обратился к Эшендену:

– А вы что намерены делать? Ждать здесь?

– Нет, – ответил Эшенден. – Поеду на вокзал и буду там читать.

– Выпьем на прощание виски с содовой. Вы как, Мануэль?

– Вы очень добры, но я пью только шампанское и коньяк.

– Смешиваете? – без тени улыбки спросил Р.

– Не обязательно, – совершенно серьезно ответил Мексиканец.

Р. заказал коньяк и содовую воду, им подали, он и Эшенден налили себе того и другого, а Безволосый Мексиканец наполнил свой стакан на три четверти неразбавленным коньяком и осушил его в два звучных глотка. А потом поднялся, надел пальто с каракулевым воротником, одной рукой взял свою живописную черную шляпу, а другую жестом романтического актера, отдающего любимую девушку тому, кто достойнее, протянул Р.

– Полковник, пожелаю вам доброй ночи и приятных сновидений. Вероятно, следующее наше свидание состоится не скоро.

– Смотрите, не наломайте дров, Мануэль, а в случае чего – помалкивайте.

– Я слышал, что в одном из ваших колледжей, где сыновья джентльменов готовятся в офицеры флота, золотыми буквами написано: «В британском флоте не существует слова “невозможно”». Так вот, для меня не существует слова «неудача».

– У него много синонимов, – заметил Р.

– Увидимся на вокзале, мистер Сомервилл, – сказал Безволосый Мексиканец и с картинным поклоном удалился.

Р. поглядел на Эшендена с подобием улыбки, которое всегда придавало его лицу такое убийственно проницательное выражение.

– Ну, как он вам?

– Ума не приложу, – ответил Эшенден. – Клоун? Самоупоеение, как у павлина. С такой отталкивающей внешностью неужели он вправду покоритель дамских сердец? И почему вы считаете, что можете на него положиться?

Р. хмыкнул и потер ладони, как бы умывая руки.

– Я так и знал, что он вам понравится. Колоритная фигура, не правда ли? Я считаю, что положиться на него можно. – Взгляд его вдруг стал каменным. – По-моему, ему нет расчета играть с нами двойную игру. – Он помолчал. – Как бы то ни было, придется рискнуть. Сейчас я передам вам билеты и деньги и простимся; я страшно устал и пойду спать.

Десять минут спустя Эшенден отправился на вокзал. Чемодан двинулся вместе с ним на плече у носильщика.

Оставалось почти два часа до отхода поезда, и Эшенден расположился в зале ожидания. Здесь было светло, и он сидел и читал роман. Подошло время прибытия парижского поезда, на котором они должны были ехать до Рима, а Безволосый Мексиканец не появлялся. Эшенден, слегка нервничая, вышел поискать его на платформе. Эшенден страдал всем известной неприятной болезнью, которую называют «поездной лихорадкой»: за час до обозначенного в расписании срока он начинал опасаться, как бы поезд не ушел без него, беспокоился, что служители в гостинице так долго не несут его вещи из номера, сердился, что автобус до вокзала подают в самую последнюю секунду; уличные заторы приводили его в исступление, а медлительность вокзальных носильщиков – в бессловесную ярость. Мир, словно сговорившись, старался, чтобы он опоздал на поезд: встречные не давали выйти на перрон, у касс толпились люди, покупающие билеты на другие поезда, и мучительно долго пересчитывали сдачу, на регистрацию багажа затрачивалась бездна времени, а если Эшенден ехал не один, то его спутники вдруг уходили купить газету или погулять по перрону, и он не сомневался, что они обязательно отстанут, то они останавливались поболтать неизвестно с кем, то им срочно надо было позвонить по телефону и они со всех ног устремлялись в здание вокзала. Просто какой-то вселенский комплот. И отправляясь в путешествие, Эшенден не переставал терзаться, куда не усаживался на свое законное место в углу купе, чемодан уже лежал в сетке над головой, а до отхода поезда все еще добрых полчаса. Были случаи, когда он приезжал на вокзал настолько раньше времени, что поспевал на предыдущий поезд, но это тоже стоило ему нервов, ведь опять-таки выходило, что он едва не опоздал.

Объявили римский экспресс, но Безволосый Мексиканец не показывался; поезд подошел к платформе – а его все нет. Эшенден не на шутку встревожился. Он быстрыми шагами прохаживался по перрону, заглядывал в залы ожидания, побывал в отделении, где велась регистрация багажа, – Мексиканца нигде не было. Поезд был сидячий, но в Лионе много пассажиров сошло, и Эшенден занял два места в купе первого класса. Стоя у подножки, он озираал платформу и то и дело взглядывал на вокзальные часы. Ехать без Мексиканца не имело смысла, и он решил, как только прозвучит сигнал к отправлению, вытащить из вагона свою поклажу, но зато уж он задаст этому типу, когда тот отыщется. Оставалось три минуты, две, одна; вокзал опустел, все отъезжающие заняли свои места. И тут он увидел Безволосого Мексиканца – тот

не спеша шел по платформе в сопровождении двух носильщиков с чемоданами и какого-то господина в котелке. Заметив Эшендена, Мексиканец помахал рукой.

– А-а, вот и вы, мой друг, а я-то думаю, куда он делся?

– Господи, да поторопитесь, поезд сейчас уйдет.

– Без меня не уйдет. Места у нас хорошие? Начальник вокзала ушел ночевать домой, это его помощник.

Господин в котелке в ответ на кивок Эшендена обнажил голову.

– Да, но это обыкновенный вагон. В таком я ехать не могу. – Он милостиво улыбнулся помощнику начальника вокзала. – Вы должны устроить меня лучше, любезный.

– Конечно, господин генерал, я помещу вас в спальный вагон. Само собой разумеется.

Помощник начальника вокзала повел их вдоль состава и отпер свободное купе с двумя постелями. Мексиканец удовлетворенно огляделся. Носильщики уложили багаж.

– Вот и прекрасно. Весьма вам обязан. – Он протянул господину в котелке руку. – Я вас не забуду и при следующем свидании с министром непременно расскажу ему, как вы были ко мне внимательны.

– Вы очень добры, господин генерал. Премного вам благодарен!

Прозвучал свисток. Поезд тронулся.

– По-моему, это лучше, чем просто первый класс, – сказал Мексиканец. – Опытный путешественник должен уметь устраиваться с удобствами.

Но раздражение Эшендена еще не улеглось.

– Не знаю, какого черта вам понадобилось тянуть до последней секунды. Хороши бы мы были, если бы поезд ушел.

– Друг мой, это нам совершенно не грозило. Я по приезде уведомил начальника вокзала, что я, генерал Кармона, главнокомандующий мексиканской армией, прибыл в Лион для кратковременного совещания с английским фельдмаршалом, и просил его задержать отправку поезда до моего возвращения на вокзал. Я дал ему понять, что мое правительство, вероятно, сочтет возможным наградить его орденом. А в Лионе я уже бывал, здешние женщины недурны. Конечно, не парижский шик, но что-то в них есть, что-то есть, бесспорно. Хотите перед сном глоток коньяку?

– Нет, благодарю, – хмуро отозвался Эшенден.

– Я всегда на сон грядущий выпиваю стаканчик, это успокаивает нервы.

Он сунул руку в чемодан, не шаря, достал бутылку, сделал несколько внушительных глотков прямо из горлышка, утерся рукой и закурил сигарету. Потом разулся и лег. Эшенден притушил свет.

– Сам не знаю, как приятнее засыпать, – раздумчиво проговорил Безволосый Мексиканец, – с поцелуем красивой женщины на губах или же с сигаретой во рту. Вы в Мексике не бывали? Завтра расскажу вам про Мексику. Спокойной ночи.

Вскоре по размеренному дыханию Эшенден понял, что его спутник уснул, а немного погодя задремал и сам.

Когда через непродолжительное время он проснулся, Мексиканец крепко, спокойно спал; пальто он снял и укрылся им вместо одеяла, а парик на голове оставил. Вдруг поезд дернулся и, громко скрежеща тормозами, остановился; и в то же мгновение, не успев еще Эшенден осознать, что произошло, Мексиканец вскочил и сунул руку в карман брюк.

– Что это? – возбужденно выкрикнул он.

– Ничего. Семафор, наверно, закрыт.

Мексиканец тяжело сел на свою полку. Эшенден включил свет.

– Вы так крепко спите, а просыпаетесь сразу, – заметил он.

– Иначе нельзя при моей профессии.

Эшенден хотел было спросить, что подразумевается: убийства, заговоры или командование армиями, – но промолчал из опасения оказаться нескромным.

Генерал открыл чемодан и вынул бутылку.

– Глотните, – предложил он Эшендену. – Если внезапно просыпаешься среди ночи, нет ничего лучше.

Эшенден отказался, и он опять поднес горлышко ко рту и перелил к себе в глотку щедрую порцию коньяка. Потом вздохнул и закурил сигарету. На глазах у Эшендена он уже почти осушил бутылку, и вполне возможно, что не первую со времени прибытия в Лион, однако был совершенно трезв. По его поведению и речи можно было подумать, что за последние сутки он не держал во рту ничего, кроме лимонада.

Поезд двинулся, и Эшенден снова уснул. А когда проснулся, уже наступило утро, и, лениво перевернувшись на другой бок, он увидел, что Мексиканец тоже не спит. Во рту у него дымилась сигарета. На полу под диваном валялись окурки, и воздух был прокуренный и сизый. С вечера он уговорил Эшендена не открывать окно на том основании, что ночной воздух якобы очень вреден.

– Я не встаю, чтобы вас не разбудить. Вы первый займетесь туалетом или сначала мне?

– Мне не к спеху, – сказал Эшенден.

– Я привык к походной жизни, у меня это много времени не займет. Вы каждый день чистите зубы?

– Да, – ответил Эшенден.

– Я тоже. Этому я научился в Нью-Йорке. По-моему, хорошие зубы – украшение мужчины.

В купе был умывальник, и генерал, плюясь и кашляя, старательно вычистил над ним зубы. Потом он достал из чемодана флакон одеколона, вылил немного на край полотенца и растер себе лицо и руки. Затем извлек гребенку и тщательно, волосок к волоску, причесал свой парик – то ли парик у него не сбился за ночь, то ли он успел его поправить на голове, пока Эшенден еще спал. И наконец, вынув из чемодана другой флакон, с пульверизатором, и выпустив целое облако благоуханий, опрыскал себе рубашку, пиджак, носовой платок, после чего с выражением полнейшего самодовольства, в сознании исполненного долга перед миром обратился к Эшендену со словами:

– Ну вот, теперь я готов грудью встретить новый день. Оставляю вам мои принадлежности, не сомневайтесь насчет одеколона, это лучшая парижская марка.

– Большое спасибо, – ответил Эшенден, – но все, что мне нужно, это мыло и вода.

– Вода? Я лично не употребляю воду, разве только когда принимаю ванну. Вода очень вредна для кожи.

На подъезде к границе Эшендену вспомнился недвусмысленный жест Мексиканца, разбуженного среди ночи, и он предложил:

– Если у вас есть при себе револьвер, лучше отдайте его мне. У меня дипломатический паспорт, меня едва ли станут обыскивать, вами же могут и поинтересоваться, а нам лишние осложнения ни к чему.

– Его и оружием-то назвать нельзя, так, детская игрушка, – проворчал Мексиканец и достал из брючного кармана заряженный револьвер устрашающих размеров. – Я не люблю с ним расставаться даже на час, без него я чувствую себя словно не вполне одетым. Но вы правы, рисковать нам не следует. Я вам и нож вот отдаю. Я вообще предпочитаю револьверу нож, по-моему, это более элегантное оружие.

– Дело привычки, наверно, – сказал Эшенден. – Должно быть, для вас нож как-то естественнее.

– Спустить курок каждый может, но чтобы действовать ножом, нужно быть мужчиной.

Одним, как показалось Эшендену, молниеносным движением он расстегнул жилет, выхватил из-за пояса и раскрыл длинный, смертоубийственный кинжал. И протянул Эшендену с довольной улыбкой на своем крупном, уродливом, голом лице.

– Отличная, между прочим, вещица, мистер Сомервилл. Лучшего клинка я в жизни не видел – острый как бритва, и прочный, режет и папиросную бумагу, и дуб может срубить. Устройство простое, не ломается, а в сложенном виде – ножик как ножик, такими школяры делают зарубки на партах.

Он закрыл нож и передал Эшендену, и тот упрятал его в карман вместе с револьвером.

– Может быть, у вас еще что-нибудь есть?

– Только руки, – с вызовом ответил Мексиканец. – Но ими, я думаю, на таможне не заинтересуются.

Эшенден припомнил его железное рукопожатие и внутренне содрогнулся. Руки у Мексиканца были длинные, кисти большие, гладкие, без единого волоска, с заостренными, ухоженными красными ногтями – действительно, довольно страшные руки.

Смуглянка

13

Эшенден и генерал Кармона порознь прошли пограничные формальности, а потом, в купе, Эшенден вернул ему револьвер и нож. Мексиканец облегченно вздохнул:

– Ну вот, так-то лучше. А что, может быть, сыграем в карты?

– С удовольствием, – ответил Эшенден.

Безволосый Мексиканец опять открыл чемодан и вытащил откуда-то из глубины засаленную французскую колоду. Он спросил, играет ли Эшенден в экарте, услышал, что не играет, и предложил пикет. Эта игра была Эшендену в какой-то мере знакома, договорились о ставках и начали. Поскольку оба были сторонниками скорых действий, играли в четыре круга вместо шести, удваивая очки в первом и последнем. Эшендену карта шла неплохая, но у генерала всякий раз оказывалась лучше. Вполне допуская, что его партнер не полагается только на слепой случай, Эшенден все время был начеку, но ничего мало-мальски подозрительного не заметил. Он проигрывал кон за коном – генерал расправлялся с ним, как с младенцем. Сумма его проигрыша все возрастала и достигла примерно тысячи франков, что по тем временам было достаточно много. А генерал одну за другой курил сигареты, которые сам себе скручивал с фантастическим проворством – завернет одним пальцем, лизнет, и готово. Наконец он откинулся на спинку своей полки и спросил:

– Между прочим, друг мой, британское правительство оплачивает ваши карточные проигрыши, когда вы при исполнении?

– Разумеется, нет.

– В таком случае, я нахожу, что вы проиграли достаточно. Другое дело, если бы это шло в счет ваших издержек, тогда я предложил бы вам играть до самого Рима, но я вам симпатизирую. Раз это ваши собственные деньги, я больше у вас выигрывать не хочу.

Он собрал карты и отодвинул колоду. Эшенден без особого удовольствия вынул несколько банкнот и отдал Мексиканцу. Тот пересчитал их, с присущей ему аккуратностью сложил стопкой, перегнул пополам и спрятал в бумажник. А потом протянул руку и почти ласково потрепал Эшендена по колену.

– Вы мне нравитесь, вы скромны и незаносчивы, в вас нет этого высокомерия ваших соотечественников, и я знаю, вы правильно поймете совет, который я вам дам. Не играйте в пикет с людьми, вам незнакомыми.

Наверно, на лице у Эшендена отразилась досада, потому что Мексиканец схватил его за руку.

– Мой дорогой, я не оскорбил ваши чувства? Этого мне бы никак не хотелось. Вы играете в пикет вовсе не хуже других. Не в этом дело. Если нам с вами придется дольше быть вместе, я научу вас, как выигрывать в карты. Ведь играют ради денег, и в проигрыше нет смысла.

– Я думал, все дозволено только в любви и на войне, – усмехнулся Эшенден.

– Ага, я рад, что вы улыбаетесь. Именно так надо встречать поражение. Вижу, у вас хороший характер и умная голова. Вы далеко пойдете в жизни. Когда я снова окажусь в Мексике и ко мне возвратятся мои поместья, непременно приезжайте погостить. Я приму вас, как короля. Вы будете ездить на лучших моих лошадях, мы с вами вместе посетим бои быков, и если вам приглянется какая-нибудь красotka, только скажите слово, и она ваша.

И он стал рассказывать Эшендену о своих обширных мексиканских владениях, о гасиендах и рудниках, которые у него отобрали. Он живописал свое бывшее феодальное величие. Правда это была или нет, не имело значения, потому что его певучие, сочные фразы источали

густой аромат романтики. Он рисовал Эшендену иную, несовременную, широкую жизнь и картинными жестами словно расстилал перед ним неоглядные бурные дали, и зеленые моря плантаций, и огромные стада, и в лунном свече ночей песнь слепых певцов, которая тает в воздухе под гитарный звон.

– Все, все мною утрачено. В Париже я дошел до того, что зарабатывал на кусок хлеба уроками испанского языка или таскался с американцами – я хочу сказать *americanos del norte*¹⁴, – показывал им ночную жизнь города. Я, который швырял по тысяче монет за один обед, принужден был побираться, как слепой индеец. Я, кому в радость было застегнуть брильянтовый браслет на запястье красивой женщины, пал так низко, что принял костюм в подарок от старой карги, которая годилась мне в матери. Но – терпение. Человек рожден, чтобы мучиться, как искры – чтобы лететь к небу, но несчастья не вечны. Наступает час, когда мы нанесем удар.

Он взялся за свою засаленную колоду и разложил карты на маленькие кучки.

– Посмотрим, что нам скажут карты. Карты не лгут. Ах, если бы только я им больше доверял, мне не пришлось бы совершить тот единственный в моей жизни поступок, который с тех пор камнем висит у меня на душе. Совесть моя чиста. Я поступил так, как и следовало мужчине, однако очень сожалею, что необходимость толкнула меня на поступок, которого я всей душой предпочел бы не совершать.

Он стал просматривать карты в кучках, часть из них отбрасывал по какому-то не понятному для Эшендена принципу, потом оставшиеся перетасовал и опять разложил по кучкам.

– Карты меня предостерегали, не стану этого отрицать, предостерегали внятно и недвусмысленно. Любовь, прекрасная брюнетка, опасность, измена и смерть. Ясно как день. Любому дураку бы на моем месте понял, о чем речь, а ведь я имел дело с картами всю жизнь. Шагу, можно сказать, не ступал, не посоветовавшись с ними. Непростительно. Я просто потерял голову. О, вы, люди северных рас, разве вы знаете, что такое любовь, как она лишает сна и аппетита и заставляет таять, словно от лихорадки. Разве вы понимаете, какое это безумство, ты делаешься словно помешанный и ни перед чем не остановишься, только чтобы утолить свою страсть. Такой человек, как я, когда влюбляется, способен на любую глупость, и на любое преступление, и на героизм. Он взберется на горы выше Эвереста и переплывет моря шире Атлантики. Он – бог, он – дьявол. Женщины – моя погибель.

Безволосый Мексиканец еще раз перебрал карты в кучках, опять одни отбросил, другие оставил. И перетасовал.

– Меня любило много женщин. Говорю это не из тщеславия. Почему, не знаю. Просто – факт. Поезжайте в Мехико и спросите, что там известно про Мануэля Кармону и его победы. Спросите, много ли женщин устояло перед Мануэлем Кармоной.

Эшенден внимательно смотрел на него, а сам тревожно думал: что, если проницательнейший Р., всегда с таким безошибочным чутьем избиравший орудия своей деятельности, на этот раз все-таки ошибся? Ему было слегка не по себе. Неужели Безволосый Мексиканец действительно считает себя неотразимым, или же он просто жалкий хвастун? Между тем генерал после повторных манипуляций отбросил все карты, кроме четырех последних, и эти четыре вверх рубашками уложил перед собой в ряд. Он по очереди потрогал их одним пальцем, но переворачивать не стал.

– В них – судьба, – произнес он, – и никакая сила на свете не может ее изменить. Я в нерешительности. Всякий раз в последнюю минуту я колеблюсь и принужден делать над собой усилие, чтобы открыть карты и узнать о несчастьи, быть может, меня ожидающем. Я не из трусливых, но были случаи, когда на этом самом месте мне так и не хватало храбрости взглянуть на четыре решающие карты.

И действительно, он поглядывал на карточные рубашки с откровенной опаской.

¹⁴ Североамериканцами (*исп.*).

– Так о чем я вам рассказывал?

– О том, что женщины не могут устоять перед вашим обаянием, – сухо напомнил Эшенден.

– И все же однажды нашлась такая, которая осталась равнодушна. Я увидел ее в одном доме, в *casa de mujeres*¹⁵ в Мехико, она спускалась по лестнице, а я как раз поднимался навстречу; не такая уж красавица, у меня были десятки куда красивее, но в ней было что-то, что запало мне в душу, и я сказал старухе, которая содержала тот дом, чтобы она ее ко мне прислала. Будете в Мехико, вы эту старуху узнаете, ее там зовут Маркиза.

Она сказала, что та женщина у нее не живет, а только иногда приходит, и что она уже ушла. Я велел, чтобы завтра вечером она меня дожидалась, но на завтра меня задержали дела, и, когда я приехал, Маркиза мне передала от нее, что она не привыкла ждать и уехала. Я человек покладистый, я не против женских капризов и причуд, они придают женщинам прелести, поэтому я только смеюсь, посылаю ей сотенную бумажку и с нею – обещание, что завтра буду пунктуальнее. Но на завтра, когда я являюсь, минута в минуту, Маркиза возвращает мне мою сотню и объясняет, что моей избраннице я не нравлюсь. Такая дерзость меня совсем рассмешила. Я снял у себя с пальца бриллиантовый перстень и велел старухе передать ей – может быть, это заставит ее изменить свое отношение. Утром Маркиза приносит мне за перстень... красную гвоздику. Что тут будешь делать, сердиться или смеяться? Я не привык встречать преграды моим желаниям и никогда не жалею, если нужно потратить деньги (зачем они вообще, как не затем, чтобы тратить их на хороших женщин?), и я велел Маркизе пойти к этой женщине и сказать, что я дам ей тысячу за то, чтобы она сегодня вечером со мной пообедала. Старуха ушла и возвращается с ответом, что та придет, но при условии, что сразу же после обеда я отпущу ее домой. Я пожал плечами и согласился. У меня и в мыслях не было, что она это всерьез, думал, просто набивает себе цену. И вот она приехала обедать ко мне домой. Не особенно красива, так я, кажется, вам сказал? Самая прекрасная, самая очаровательная из всех женщин, каких я встречал в жизни. Я был околдован. И прелестная, и такая остроумная. Все совершенства настоящей андалузской красавицы. Словом, обворожительнейшая женщина. Я спросил, почему она так со мной нелюбезна, – она засмеялась мне в лицо. Я из кожи лез, чтобы расположить ее к себе. Пустил в ход все мое искусство. Превзошел самого себя. Но как только мы кончили обедать, она поднялась из-за стола и простилась, пожелав мне спокойной ночи. Я спросил, куда она собралась. Она отвечает, что я обещал ее отпустить и как человек чести должен сдержать слово. Я спорил, уговаривал, бушевал, безумствовал – она стояла на своем. Единственное, чего мне удалось от нее добиться, это согласия завтра опять прийти ко мне обедать на тех же условиях.

Вы скажете, я вел себя как последний дурак? Я был счастливейший из людей; семь вечеров подряд я платил ей по тысяче за то, что она приходила ко мне обедать. Каждый вечер я ждал, обмирая от волнения, как *novillero*¹⁶ перед первым боем быков, и каждый вечер она играла мной, и смеялась, и кокетничала, и доводила меня до иступления. Я влюбился без памяти. Я за всю мою жизнь, ни прежде, ни потом, никого так страстно не любил. Я забыл обо всем на свете. Ни о чем другом не думал. Я патриот, я люблю родину. Нас собрался небольшой кружок единомышленников, и мы решили, что невозможно больше терпеть деспотизм властей, от которого мы так страдаем. Все прибыльные должности доставались другим, нас облагали налогами, словно каких-то торгашей, и постоянно подвергали невыносимым унижениям. У нас были средства и были люди. Мы разработали планы и уже приготовились выступить. Мне столько всего нужно было сделать – говорить на сходках, добывать патроны, рассылать приказы, – но я был так околдован этой женщиной, что ничему не мог уделить внимания.

¹⁵ Публичный дом (*исп.*).

¹⁶ Начинающий тореадор (*исп.*).

Вы, может быть, думаете, что я сердился за то, что она мной помыкает – мной, который привык удовлетворять свою малейшую прихоть; но я считал, что она отказывает мне не нарочно, не для того, чтобы меня распалить, я принимал на веру ее слова, что она отдастся мне, только когда полюбит. И что от меня зависит, чтобы она меня полюбила. Для меня она была ангел. Ради нее я согласен был ждать. Меня сжигало такое пламя, что рано или поздно, я знал, вспыхнет и она – так степной пожар охватывает все на своем пути. И наконец! Наконец она сказала, что любит. Я испытал безумное волнение, я думал, что упаду и умру на месте. Какой восторг! Какое счастье! Я готов был отдать ей все, что у меня есть, сорвать звезды с неба и украсить ей волосы, мне хотелось сделать для нее что-нибудь такое, чтобы доказать всю безмерность моей любви, сделать невозможное, немыслимое, отдать ей всего себя, свою душу, свою честь, все, все, чем владею и что представляю собой; и в ту ночь, когда она лежала у меня в объятиях, я открыл ей тайну нашего заговора и назвал его зачинщиков. Я кожей ощутил, как она вдруг насторожилась, почувствовал, как вздрогнули ее ресницы, было что-то, сам не знаю что, может быть, холодная, сухая ладонь, гладившая меня по лицу, но меня вдруг пронзило подозрение, и сразу же вспомнилось, что предрекали карты: любовь, прекрасная брюнетка, опасность, измена и смерть. Трижды предостерегли меня карты, а я им не внял. Но виду я не подал. Она прижалась к моему сердцу и пролепетала, что это так страшно, неужели и такой-то замешан? Я ответил, что да. Мне надо было удостовериться. Понемножку, с бесконечной хитростью, между поцелуями она выманила у меня все подробности заговора, и теперь я знал наверняка, как знаю, что вы сейчас тут сидите, что она – шпионка, шпионка президента, подосланная, чтобы завлечь меня дьявольскими чарами и выведать у меня наши секреты. И вот теперь мы все у нее в руках, и если она покинет это помещение, можно не сомневаться, что через сутки никого из нас не будет в живых. А я ее любил, любил; о, слова не в силах передать муку желаний, сжигавших мое сердце! Такая любовь – не радость, это боль, но боль восхитительная, которая слаще радости; небесное томление, которое, говорят, переживают святые, когда их охватывает божественный экстаз. Я понимал, что живая она не должна от меня уйти, и боялся, что, если промедлю, у меня может не хватить храбрости.

– Я, пожалуй, посплю, – сказала она мне.

– Спи, любовь моя, – ответил я.

– *Alma de mi corazon*, – так она меня назвала – «душа моего сердца».

То были ее последние слова. Тяжелые ее веки, темные, как синий виноград, и чуть в испарине, тяжелые ее веки сомкнулись, и скоро по размеренному колыханию ее груди, соприкасающейся с моей, я убедился, что она заснула. Ведь я ее любил, я не мог допустить, чтобы она испытала мучения; да, она была шпионка, но сердце велело мне избавить ее от знания того, чему предстояло свершиться. Странно, но я не питал к ней зла за то, что она предательница; мне следовало бы ненавидеть ее за коварство, но я не мог, я только чувствовал, что на душу мне снизошла ночь. Бедная, бедная. Я готов был плакать от жалости. Я осторожно высвободил из-под нее руку, это была левая рука, правая у меня была свободна, и приподнялся, опираясь на локоть. Но она была так хороша, мне пришлось отвернуться, когда я со всей силой полоснул ножом поперек ее прекрасного горла. Не пробудившись, она от сна перешла в смерть.

Он замолчал, задумчиво глядя на четыре карты, которые все еще дожидались своей очереди, лежа вверх рубашками.

– А на картах все это было. Ну почему я их не послушал? Нет, не хочу на них смотреть. Будь они прокляты. Пусть убираются.

И от взмаха его руки вся колода разлетелась по полу.

– Я неверующий, а все же заказал по ней заупокойную службу. – Он откинулся, свернул сигарету и глубоко затянулся. Потом пожал плечами и спросил: – Вы ведь, полковник говорил, писатель? Что вы пишете?

– Рассказы, – ответил Эшенден.

– Детективные?

– Нет.

– Почему же? Я лично других не читаю. Если бы был писателем, то непременно писал бы детективы.

– Это очень трудно. Столько всего надо предусмотреть. Один раз я задумал рассказ про убийство, но оно было такое хитроумное, мне самому было непонятно, как разоблачить убийцу, а ведь одно из требований жанра в том как раз и состоит, чтобы тайна в конце раскрывалась и преступник получал по заслугам.

– Если у вас убийство действительно такое хитроумное, единственный способ доказать вину убийцы – это вскрыть мотивы. Когда мотивы обнаружены, появляются шансы наткнуться и на улики, которых раньше не замечали. А без мотивов даже самые красноречивые улики будут неубедительны. Представьте себе, например, что однажды в безлунную ночь на пустынной улице вы подошли к прохожему и вонзили ему нож в сердце. Ну кому придет в голову подумать на вас? Но если это любовник вашей жены, или ваш брат, или если он вас обманул или оскорбил, тогда клочка бумаги, обрывка веревки или случайной обмолвки может оказаться довольно, чтобы привести вас на виселицу. Докопаются, где вы находились в момент убийства. Обязательно найдутся люди, которые вас видели незадолго перед этим и сразу потом. Но если убитый не имел к вам отношения, никому не придет в голову вас заподозрить. Джек-Потрошитель вон ходил себе по городу, покуда не попался прямо с поличным.

Эшенден по нескольким причинам был склонен переменить тему разговора. В Риме им предстояло расстаться, и надо было успеть обо всем условиться. Мексиканец из Рима ехал в Бриндизи, а Эшенден – в Неаполь. Там он намерен был поместиться в «Отель де Белфаст» – большой второразрядной гостинице вблизи порта, в которой останавливались коммивояжеры и туристы попроще. Генералу следовало знать, в каком номере его можно найти, чтобы в случае чего прямо подняться к нему, не справляясь у портье. Поэтому на следующей остановке Эшенден купил в станционном буфете конверт и дал Мексиканцу, чтобы тот своей рукой написал собственное имя и адрес до востребования в Бриндизи. Теперь Эшендену оставалось только вложить листок с номером и опустить письмо в почтовый ящик.

Безволосый Мексиканец пожимал плечами.

– По мне, так все это детские уловки. Риска нет никакого. Ну, а уж если что случится, можете быть уверены, что на вас не падет и тени подозрения.

– Работа такого рода мне плохо знакома, – сказал Эшенден. – Я предпочитаю придерживаться инструкций полковника и знать только то, что мне совершенно необходимо.

– Вот именно. Если обстоятельства вынудят меня прибегнуть к крайним мерам и случится осечка, я, естественно, буду считаться политическим заключенным, а Италия рано или поздно все-таки должна будет выступить на стороне союзников, и меня освободят. Как видите, я все предусмотрел. Но вас я убедительно прошу не беспокоиться об исходе нашего дела, для вас пусть это будет просто пикник на берегу Темзы.

Все же, когда они наконец расстались и Эшенден очутился один в купе на пути в Неаполь, он вздохнул с великим облегчением. Он рад был, что избавился от своего болтливой, зловещего, фантастического спутника. Мексиканец поехал в Бриндизи на встречу с Константином Андреади, а если хотя бы половина из его рассказов – правда, Эшендену оставалось только поздравить себя с тем, что не он находится на месте этого грека. Интересно, что тот за человек? Становилось жутковато при мысли, что он со своими секретными документами и опасными тайнами плывет сейчас по синему Ионическому морю и, ничего не подозревая, засовывает голову прямо в петлю. Ну да война есть война, и только глупцы думают, будто можно воевать в лайковых перчатках.

Грек

17

По приезде в Неаполь Эшенден снял комнату в гостинице, печатными цифрами записал номер на листке бумаги и отправил Безволосому Мексиканцу. Потом сходил в британское консульство, куда, по уговору с Р., должны были поступать для него инструкции, – там о нем уже было известно, и стало быть, все в порядке. Он решил, что теперь надо отложить все заботы и пока пожить в свое удовольствие. Здесь, на юге, весна уже был в разгаре, людные улицы заливало жаркое солнце. Эшенден неплохо знал Неаполь. Пьяцца ди Сан-Фердинандо, заполненная оживленной толпой, Пьяцца дель Плебишито, на которой стоит такая красивая церковь, пробудили в его сердце приятные воспоминания. На Страда ди Кьяра было так же шумно, как когда-то. Эшенден останавливался на углах, заглядывал в узкие, круто уходящие кверху проулки, поперек которых между высокими домами сушилось на веревках белье – точно праздничные флажки расцвечивания между мачтами; гулял по набережной, шурясь на ослепительную гладь залива и виднеющийся в дымке Капри. Он дошел до Позилиппо, где в старом просторном палаццо с облупленными стенами провел в юности немало романтических часов. И с изумлением отметил легкую боль, которую ощутил в своем сжавшемся сердце при этой встрече с прошлым. Потом сел в извозчицью пролетку, запряженную приземистой, косматой лошадкой, и с грохотом покатил по булыжникам обратно до Галереи, а там расположился в холодке за столиком, попивая коктейль *americano*, и стал разглядывать людей, которые сидели и стояли вокруг и без умолку, без устали, оживленно жестикулируя, разговаривали, а он забавлялся тем, что, давая волю воображению, старался по их внешности догадаться, кто они такие в действительной жизни.

Три дня провел Эшенден в полной беспечности, так подходившей к этому фантастическому, неприбранному, приветливому городу. С утра до ночи ничего не делал – только блуждал по улицам, глядя вокруг не глазами туриста, который высматривает то, чем положено любоваться, и не глазами писателя, который ищет всюду свое (и может в красках заката найти красивую фразу или во встречном лице угадать характер), а глазами бродяги, для которого, что ни происходит, все имеет свой законченный смысл. Он сходил в музей взглянуть на статую Агриппины Младшей, которую имел причины вспоминать с нежностью, и воспользовался случаем, чтобы еще раз увидеть в картинной галерее Тициана и Брейгеля. Но всегда возвращался к церкви Санта Кьяра. Ее стройность и жизнерадостность, ее легкое, как бы шутливое обращение с религией и затаенное в глубине взволнованное чувство, ее прихотливые, но изящные линии – все вместе представлялось Эшендену одной несуразной, напыщенной и меткой метафорой этого солнечного, прелестного города и его предприимчивых обитателей. Она говорила о том, что жизнь сладка и печальна; жаль, конечно, что не хватает денег, но деньги – это еще не все; да и вообще, велика ли важность, ведь сегодня мы есть, а завтра нас уж нет; и все это довольно забавно и увлекательно, и в конце концов приходится приспособливаться: *fecciamo una piccola combinazione*¹⁷.

Но на четвертое утро, как раз когда Эшенден, выйдя из ванны, делал попытку вытереться полотенцем, которое не впитывало влагу, дверь его номера вдруг приотворилась, и в комнату быстро проскользнул какой-то человек.

– Что вам угодно? – вскрикнул Эшенден.

– Не волнуйтесь. Это я.

– Господи Боже, Мексиканец! Что это вы с собой сделали?

¹⁷ © Перевод. И. Бернштейн, 2009.

¹⁸ Заключим небольшую сделку (*ит.*).

Парик на нем был теперь черный, коротко остриженный, плотно, как шапочка, облежавший голову. Это решительно изменило его внешность, она была по-прежнему очень странной, но совершенно иной. И одет он был в поношенный серый костюм.

– Я только на мгновение. Пока он бреется.

Эшенден почувствовал, как у него зарделись щеки.

– Значит, вы его нашли?

– Это не представляло труда. Он был единственный пассажир-грек на судне. Я поднялся на борт, как только они встали у причала, и объяснил, что приехал встретить знакомого из Пирея, которого зовут Георгий Диогенидис. Выяснилось, что такого нет, я очень удивился, ну и разговорился с Андреади. Он путешествует под другим именем, зовет себя Ломбардос. Когда он сошел на берег, я последовал за ним, и знаете, что он предпринял первым делом? Зашел в парикмахерскую и велел сбрить себе бороду. Что вы на это скажете?

– Ничего. Всякий может сбрить бороду.

– А вот я думаю иначе. Он хочет изменить свою внешность. О, это хитрец. Уважаю немцев, они ни одной мелочи не упустят, у него легенда – не подкопаешься, сейчас расскажу.

– Вы, кстати сказать, тоже изменили внешность.

– А, да-да, парик другой; большая разница, правда?

– Я бы вас ни за что не узнал.

– Надо быть осторожным. Мы с ним закадычные друзья. В Бриндизи пришлось провести целый день, а он по-итальянски ни полслова. Так что он рад был моей помощи. Мы с ним приехали вместе. Я привез его прямо в эту гостиницу. Он говорит, что завтра едет в Рим, но я не спускаю с него глаз, он от меня не улизнет. Теперь он якобы собирается осмотреть Неаполь, и я предложил показать ему все, что тут есть интересного.

– А почему он не едет в Рим прямо сегодня?

– Понимаете, тут все взаимосвязано. Он прикидывается греческим дельцом, разбогатевшим во время войны. Будто бы ему принадлежали два каботажных пароходика. Он их недавно продал и теперь едет кутить в Париж. Говорит, что всю жизнь мечтал побывать в Париже и вот теперь желание его исполняется. Себе на уме человек. Я чего только ни делал, чтобы его разговорить, рассказал, что я испанец, что был в Бриндизи для установления связей с Турцией по вопросу о военных материалах. Он слушал, видно было, что заинтересовался, но сам – ни слова, ну а я, естественно, не стал нажимать. Бумаги у него при себе.

– Откуда вы знаете?

– Он не беспокоится о своем чемодане, зато все время щупает себе поясницу. Они у него либо в поясе, либо под подкладкой жилета.

– А за каким чертом вы притащили его в эту гостиницу?

– По-моему, так будет удобнее. Возможно, нам понадобится обыскать его багаж.

– Так вы тоже здесь остановились?

– Нет, я не такой дурак. Я сказал ему, что уезжаю в Рим ночным поездом и поэтому номер мне не нужен. Но мне пора, я условился встретиться с ним в парикмахерской через четверть часа.

– Ну хорошо.

– Где я вас найду сегодня вечером, если вы мне понадобится?

Эшенден задержал взгляд на Безволосом Мексиканце, а потом, хмурясь, отвернулся.

– Я буду сидеть в номере.

– Прекрасно. Взгляните-ка, в коридоре никого нет?

Эшенден открыл дверь и выглянул. Никого не было видно. В это время года гостиница вообще пустовала. Иностранцев в городе почти не было, наплыв гостей начинался позже.

– Все в порядке, – сказал Эшенден.

Безволосый Мексиканец бесстрашно вышел в коридор. Эшенден закрыл за ним дверь. Потом побрился, медленно оделся. На площади по-прежнему сияло солнце, все так же мельтешили прохожие и обтерханные экипажи, запряженные тощими лошаденками, но они больше уже не наполняли душу Эшендена беззаботным весельем. Ему было не по себе. Он сходил в консульство, справился, как обычно, нет ли для него телеграммы. Ничего не было. Потом зашел к Куку, посмотрел расписание поездов на Рим: один отправлялся сразу после полуночи, другой в пять утра. Хорошо бы успеть на первый. Какие планы у Мексиканца, он не знал; если действительно ему надо на Кубу, наверное, удобнее всего ехать через Испанию; и Эшенден высмотрел ему пароход до Барселоны, который отплывал из Неаполя на следующий день.

Неаполь прискучил Эшендену. От яркого солнца устали глаза, на улицах несносная пылица, нестерпимый грохот. Он выпил коктейль в Галерее. Посидел. Потом сходил в кино. К вечеру, вернувшись в гостиницу, сказал портье, что завтра чуть свет уезжает и поэтому хочет расплатиться сейчас, а когда с этим было покончено, свез вещи на вокзал, оставив только портфель, в котором у него лежал ключ к шифру и две-три книги для чтения. Потом поужинал. И наконец, вернувшись к себе в номер, уселся ждать Безволосого Мексиканца. Он вынужден был признаться себе, что сильно нервничает. Взялся было читать – книга оказалась нудная; попробовал другую – но не смог сосредоточиться. Посмотрел на часы – было еще безнадежно рано. Снова открыл книгу, дав себе обещание не глядеть на часы, пока не прочитает тридцать страниц, но только исправно водил глазами по строчкам и переворачивал страницы, почти совсем не сознавая прочитанного. Опять взглянул на часы – Боже милосердный, только половина одиннадцатого! Интересно, где сейчас Безволосый Мексиканец? Что делает? Как бы не наломал дров. Ужасно. Пожалуй, надо закрыть окно и задернуть шторы. Он выкурил бессчетное множество сигарет. Посмотрел на часы – четверть двенадцатого. Мелькнула одна мысль, от которой бешено забилося сердце; для интереса он сосчитал свой пульс, но пульс, как ни странно, оказался в норме. Ночь была теплой, в комнате стояла духота, но руки и ноги у Эшендена были ледяные. До чего неприятно иметь богатое воображение, которое рисует яркие картины, хотя вовсе не хочется их видеть! Как писатель, Эшенден часто помышлял об убийстве – вот и теперь на память ему пришла страшная история, описанная в «Преступлении и наказании». Думать об этом не хотелось, но мысли сами лезли в голову, книга лежала забытая на коленях, и, глядя в стену (обои были коричневые в блеклых розочках), он стал прикидывать, как лучше всего можно совершить убийство в Неаполе. Ну конечно, ведь здесь есть большой сад с аквариумом на берегу залива; ночью в нем безлюдно и очень темно – под покровом тьмы там творятся разные черные дела, и люди благоразумные стараются после наступления сумерек держаться подальше от его зловещих аллей. Дорога за Позилиппо совсем пустынна, от нее отходят кверху проселки, на них ночью не встретишь ни души, но как заманишь туда человека, если он не бесчувственный чурбан? Можно пригласить его покататься на лодке по заливу, но лодочник, у которого будешь нанимать лодку, вероятно, вас запомнит, да и вообще навряд ли он пустит вас кататься одних; есть портовые гостиницы, где не задают вопросов приезжающим среди ночи и без багажа; но опять же, слуга, провожая тебя в номер, сумеет хорошо разглядеть твое лицо, да еще надо будет заполнить книгу регистрации.

Эшенден опять посмотрел на часы. Он страшно устал. Теперь он сидел просто так, не пытаясь больше читать и ни о чем не думая.

Дверь бесшумно открылась. Он вскочил. По коже побежали мурашки. Перед ним стоял Безволосый Мексиканец.

– Я вас испугал? – с улыбкой осведомился он. – Я подумал, что лучше будет войти без стука.

– Видел вас кто-нибудь?

– Меня впустил ночной портье; он спал, когда я позвонил у парадного, и на меня даже не взглянул. Извините, что так поздно, но мне надо было переодеться.

На Безволосом Мексиканце был теперь прежний франтоватый костюм и светлый парик, в котором он приехал. Это опять разительно изменило его наружность. Он казался теперь выше, ярче; даже лицо стало другое. Глаза блестели, видно было, что человек в отличном расположении духа. Он мельком взглянул на Эшендена.

– Что это вы так бледны, Мой друг? Неужели нервничаете?

– Вы достали документы?

– Нет. При нем их не оказалось. Вот все, что у него было.

Он положил на стол пухлый бумажник и паспорт.

– Этого мне не нужно, – быстро сказал Эшенден. – Уберите.

Безволосый Мексиканец пожал плечами и упрятал все к себе в карман.

– А что же было в поясе? Вы говорили, что он все время шупает себе поясницу.

– Только деньги. Я перебрал бумажник. Там частные письма и фотографии женщин. Должно быть, он сегодня, перед тем как встретиться со мной, переложил документы в чемодан.

– Черт, – простонал Эшенден.

– Вот ключ от его номера. Нам с вами надо пойти и просмотреть его багаж.

У Эшендена заняло под ложечкой. Он замялся. Мексиканец добродушно усмехнулся.

– Опасности никакой, дружище, – сказал он, словно успокаивал ребенка. – Но если вам так не хочется, я пойду один.

– Нет, пойдем вместе, – ответил Эшенден.

– В гостинице все спят крепким сном, ну а господин Андреади нас не потревожит. Можете разуться, если хотите.

Эшенден промолчал. Он заметил, что пальцы у него слегка дрожат, и поморщился. Он расшнуровал и скинул ботинки. Мексиканец сделал то же самое.

– Ступайте, вы первый, – сказал он. – Сверните налево, и прямо по коридору. Комната тридцать восемь.

Эшенден открыл дверь и первым вышел в коридор. Здесь было полутемно, лампы горели тускло. Он нервничал и досадовал на себя за это, тем более что его спутник явно не испытывал ни малейшего волнения. Они подошли к двери.

Безволосый Мексиканец вставил ключ в замочную скважину, повернул и вошел в номер. Зажег свет. Эшенден вошел следом и закрыл за собой дверь. Жалюзи на окне были опущены.

– Ну вот, теперь все в порядке. Можно не спешить.

Мексиканец вынул из кармана связку ключей, стал пробовать их наудачу, и наконец один подошел. В чемодане лежали носильные вещи.

– Дешевка, – презрительно заметил Мексиканец, вытаскивая их по одной. – Мой принцип – покупать самое лучшее, это всегда в итоге оказывается дешевле. Одно из двух: либо ты джентльмен, либо нет.

– Вам обязательно разговаривать? – буркнул Эшенден.

– Привкус опасности воздействует на людей по-разному. Меня она просто возбуждает, а вас приводит в дурное расположение духа, дружище.

– Дело в том, что мне страшно, а вам нет, – честно признался Эшенден.

– Это все нервы.

Одновременно Мексиканец быстро, но тщательно прощупывал вынимаемую одежду. Никаких бумаг в чемодане не было. Тогда он вытащил нож и надрезал подкладку. Чемодан был дешевенький, подкладка приклеена прямо к дерматину, ничего лежать там не могло.

– Тут их нет... Наверно, спрятаны где-то в комнате.

– А вы уверены, что он их никуда не сдал? В какое-нибудь консульство, например?

– Я ни на минуту не упускал его из виду, разве только когда он брился.

Безволосый Мексиканец выдвинул ящики комода, распахнул дверцы шкафа. Ковра на полу не было, но под кровать, под матрац, в постель он заглянул. Его цепкие черные глаза обшарили в поисках тайника все стены, все углы.

– Может быть, он оставил их внизу у портье?

– Я бы знал. И он не рискнул бы. Их здесь нет. Непонятно.

Он еще раз недоуменно оглядел комнату, сосредоточенно наморщив лоб.

– Уйдем отсюда, – сказал Эшенден.

– Одну минуту.

Мексиканец опустился на колени и ловко и аккуратно упаковал обратно в чемодан вынутую одежду. Щелкнул замком, встал. Потом выключил свет, осторожно открыл дверь, выглянул в коридор. И, сделав знак Эшендену, вышел. Эшенден вышел следом, и тогда Мексиканец запер номер, спрятал ключ в карман, и они вместе вернулись в комнату Эшендена. Дверь за собой они заперли на задвижку, и Эшенден вытер потные ладони и лоб.

– Слава Богу, выбрались!

– Не было ни малейшей опасности. Но что нам теперь делать? Полковник рассердится, что мы не добыли документы.

– Я уезжаю пятичасовым в Рим. И оттуда телеграфно запрошу инструкций.

– Очень хорошо, я еду с вами.

– Я считал, что вам лучше поскорее уехать из страны. Завтра отплывает пароход до Барселоны. Почему бы вам не отправиться на нем, а я, если понадобится, вас там найду.

Безволосый Мексиканец слегка ухмыльнулся.

– Я вижу, вам не терпится от меня избавиться. Ну что ж, не буду противиться вашему желанию, оно извинительно ввиду вашей неопытности. Поеду в Барселону. У меня есть испанская виза.

Эшенден посмотрел на часы. Самое начало третьего. Еще почти три часа ожидания. Его гость непринужденно свернул себе сигарету.

– Что бы вы сказали насчет небольшого ужина? – предложил он. – Я проголодался, как волк.

Мысль о еде была Эшендену отвратительна, его только мучила жажда. Идти куда-то вместе с Безволосым Мексиканцем не хотелось, но и оставаться одному в гостинице тоже было не заманчиво.

– А куда можно сунуться в такое время?

– Пошли. Я вас отведу.

Эшенден надел шляпу, взял с собой портфель. Они спустились по лестнице. В холле на тюфяке, расстеленном прямо на полу, спал ночной портье. Ступая осторожно, чтобы не разбудить его, Эшенден прошел мимо конторки и увидел в ящичке со своим номером конверт. Вынул – действительно, конверт был адресован ему. Они на цыпочках вышли на улицу, прикрыв за собой дверь. И быстро зашагали прочь. Отойдя шагов на сто, Эшенден остановился под фонарем, достал письмо и прочел; писали из консульства: «Вложенная телеграмма поступила сегодня вечером, на всякий случай отправляю ее к вам в гостиницу с посыльным». Видимо, ее доставили ближе к полуночи, когда Эшенден сидел и ждал у себя в номере. Телеграмма оказалась шифрованная.

– Подождет, – сказал он и сунул ее в карман. Безволосый Мексиканец шел уверенно, по-видимому, он хорошо ориентировался на пустынных ночных улицах. Эшенден шагал с ним рядом. Наконец они дошли до какой-то дрянной и шумной таверны в одном из пристанских тупиков.

– Правда, не «Ритц», – сказал Мексиканец, входя, – но об эту ночную пору только в таких заведениях и могут накормить человека.

Они очутились в длинном смрадном помещении; в дальнем конце сидел за фортепьяно старообразный юнец; у противоположных стен торцами стояли столы, возле столов – скамьи. Здесь находилось с десятков посетителей, мужчин и женщин. Пили вино и пиво. Женщины сидели страшные, старые, размалеванные, их грубое веселье было шумным и в то же время безжизненным. Они все обернулись навстречу входящим Эшендену и Мексиканцу; и Эшенден, усевшись за стол, не знал, куда смотреть, чтобы только не встретиться с этими искательными, плотоядными взглядами, готовыми загореться зазывной улыбкой. Старообразный пианист заиграл какую-то музыку, и несколько пар поднялись и пошли танцевать. Мужчин не хватало, некоторые женщины танцевали одна с другой. Генерал заказал две порции спагетти и бутылку каприйского вина. Как только вино подали, он с жадностью выпил полный стакан и, сидя в ожидании еды, разглядывал женщин за другими столами.

– Вы не танцуете? – спросил он Эшендена. – Я сейчас приглашу какую-нибудь из этих девочек.

Эшенден сидел и смотрел, а Мексиканец встал, подошел к одной, у которой были по крайней мере блестящие глаза и белые зубы; она поднялась, и он обхватил ее за талию. Танцевал он превосходно. Эшенден видел, как он заговорил со своей дамой, как она рассмеялась, и вот уже безразличное выражение, с которым она приняла его приглашение, сменилось заинтересованным. Скоро уже оба весело болтали. Потом танец кончился, Безволосый Мексиканец отвел ее на место, а сам вернулся к Эшендену и выпил еще стакан вина.

– Как вам моя дама? – спросил он. – Неплоха, верно? Приятная вещь танцы. Почему бы и вам не пригласить какую-нибудь? Прекрасное местечко, а? Можете на меня положиться, я всегда приведу куда надо. У меня инстинкт.

Пианист снова заиграл. Женщина вопросительно оглянулась на Безволосого Мексиканца и, когда он большим пальцем указал ей туда, где топтались пары, с готовностью вскочила со скамьи. Он застегнул на все пуговицы пиджак, выгнул спину и ждал, стоя сбоку у стола. Она подошла к нему, он рванул ее с места, и они поскакали, разговаривая, смеясь, и оказалось, что он уже со всеми в таверне на дружеской ноге. По-итальянски, с испанским акцентом он перешучивался то с тем, то с этим. Его остроты вызывали смех. Когда же официант принес две тарелки спагетти, Мексиканец, увидев еду, без долгих церемоний бросил свою даму, предоставив ей самостоятельно возвращаться на место, и поспешил к себе за стол.

– Умираю с голоду, – сказал он. – А ведь сытно поужинал. Вы где ужинали? Поешьте немного, а?

– Аппетита нет, – ответил Эшенден.

Однако придвинул тарелку и, к удивлению своему, обнаружил, что тоже голоден. Безволосый Мексиканец ел, набивая рот и получая от еды огромное удовольствие; он поглядывал вокруг блестящими глазами и, не умолкая, разговаривал. Его дама успела рассказать ему все о себе, и теперь он пересказывал Эшендену историю ее жизни. Он отламывал и запихивал в рот огромные куски хлеба. И распорядился принести еще бутылку вина.

– Что вино! – презрительно кричал он. – Вино – это не напиток, вот разве только шампанское. А это все даже жажду не утоляет. Ну как, дружище, получше чувствуете себя?

– Должен признаться, что да, – улыбнулся Эшенден.

– Практика, вот все, чего вам недостает, немного практики.

Он потянулся через стол и похлопал Эшендена по плечу.

– Что это? – вскрикнул Эшенден, весь передернувшись. – Что за пятно у вас на манжете? Безволосый Мексиканец скосил глаза на край своего рукава.

– Ах, это? Да ничего. Всего-навсего кровь. Несчастный случай, порезался немного.

Эшенден молчал. Глаза его сами отыскивали циферблат часов над входной дверью.

– Беспокойтесь, как бы не опоздать на поезд? Еще один последний танец, и я вас провожу на вокзал.

Мексиканец поднялся, со свойственной ему великолепной самоуверенностью подхватил ближайшую женщину и пустился танцевать. Эшенден хмуро водил за ним глазами. Конечно, он страшный, чудовищный человек, и эта его голая рожа в обрамлении белокурого парика – бр-р-р; но двигался он с бесподобной грацией, небольшие ступни мягко упирались в пол, точно кошачьи или тигриные лапы, и видно было, что свою бедную размазанную даму он совсем закружил и околдовал. Музыка пронизала его с головы до ног, музыка жила в его крепких, загребущих руках и в длинных ногах, так странно шагающих прямо от бедра. Зловещее, кошмарное существо, но сейчас в нем было какое-то хищное изящество, даже своего рода красота – невозможно было, вопреки всему, им тайно не залюбоваться. Эшендену он напомнил каменные изваяния доацтекской эпохи, в которых грубый примитив сочетается с жизненной силой, в которых есть что-то страшное и жестокое и одновременно есть своя вдумчивая, осмысленная прелесть. Но все равно он бы с удовольствием предоставил Мексиканцу самому коротать остаток ночи в этом жалком притоне, если бы не деловой разговор, который еще надо было с ним провести. Предстоящее объяснение не сулило ничего приятного. Эшенден был уполномочен вручить Мануэлю Кармоне некоторую сумму в обмен на некие документы. Однако документов нет, и взяться им неоткуда, а больше Эшенден знать ничего не знал, дальнейшее его не касалось.

Безволосый Мексиканец, вальсируя мимо, помахал ему рукой.

– Буду с вами, как только кончится музыка. Расплатитесь пока, и я как раз появлюсь.

Неплохо бы знать, что у него на уме. Эшенден даже отдаленно себе этого не представлял.

Мексиканец, отирая надушенным платком пот со лба, подошел к столу.

– Хорошо повеселились, генерал?

– Я всегда веселюсь в свое удовольствие. Конечно, это все белая голь, но мне что за дело? Я люблю почувствовать тело женщины у себя в руках, и чтобы глаза у нее затуманились и губы приоткрылись, и чтобы она вся млела и таяла передо мной, как сливочное масло на солнце. Голь-то они голь, да все-таки женщины.

Мексиканец и Эшенден вышли на улицу. Генерал предложил идти пешком – в это время ночи и в этом квартале такси поймать невозможно. Небо было звездным – стояла по-настоящему летняя, тихая ночь. Безмолвие шагало об руку с ними, точно тень убитого. Когда подошли к вокзалу, силуэты зданий вдруг оказались серее и четче; чувствовалось, что близок рассвет, и воздух пробрала мимолетная дрожь. То был извечно волнующий миг, когда душа замирает в страхе, унаследованном от несчетных прежних поколений: а вдруг случится так, что новый день не настанет?

Они вошли в помещение вокзала и снова очутились во власти ночи. Там и сям отдыхали носильщики, словно рабочие сцены, которым нечего делать после того, как опущен занавес и убраны декорации. Неподвижно стояли на посту два солдата в неразличимой форме.

Зал ожидания пустовал, но Эшенден и Безволосый Мексиканец на всякий случай прошли и уселись в самом дальнем углу.

– У меня еще целый час до поезда. Посмотрим, о чем телеграмма.

Эшенден достал из кармана телеграмму, а из портфеля – ключ к шифру. Шифр, которым он тогда пользовался, был не очень сложен. Ключ состоял из двух частей, одна содержалась в тоненькой книжице у него в портфеле, другую, уместившуюся на одном листке, который он получил и уничтожил перед тем как оказаться на чужой территории, он хранил в памяти. Эшенден надел очки и приступил к работе. Безволосый Мексиканец сидел в углу деревянного дивана, сворачивал сигареты и курил; он не обращал внимания на то, что делает Эшенден, а просто предавался заслуженному отдыху. Эшенден одну за другой расшифровывал группы цифр и по ходу дела записывал на листок каждое разгаданное слово. Его метод состоял в том, чтобы до завершения работы не вдумываться в смысл, иначе, как он убедился, начинаешь поневоле делать преждевременные выводы, что может привести к ошибке. Так он сидел и механи-

чески записывал слово за словом, не сознавая, что они значат. И только когда наконец все было готово, прочел телеграмму целиком. Текст ее был такой:

«Константин Андреади задержался в Пирсе ввиду болезни. Прибыть Неаполь не сможет. Возвращайтесь Женеву и ждите инструкций».

Сначала Эшенден не понял. Перечитал еще раз. Он чувствовал, как с ног до головы его начинает бить дрожь. И вне себя выпалил бешеным, сиплым шепотом, совершенно утратив на миг свою хваленую выдержку:

– Чертов болван! Вы не того убили!

Поездка в Париж

19

Эшенден любил говорить, что ему никогда не бывает скучно. В соответствии с его представлениями скучать обречены лишь те, кто не способен жить внутренней жизнью. Надо быть последним глупцом, полагал он, чтобы рассчитывать, будто внешний мир в состоянии развеять скуку. Эшенден никогда на свой счет не обольщался, и поэтому литературный успех, выпавший на его долю, голову ему не вскружил. Он прекрасно знал, в чем отличие истинной славы от громкого имени, которое приобретает автор нашумевшего романа или с успехом сыгранной пьесы, и поэтому к дешевой популярности был равнодушен, хотя и не пренебрегал теми ощутимыми преимуществами, какими обладает литературная знаменитость. Он, например, нередко пользовался своим именем, дабы получить лучшую каюту, чем ту, за которую было уплачено; если же таможенник не рылся в его чемоданах, поскольку недавно прочел его новеллы, Эшенден с удовлетворением отмечал, что в занятии литературой есть и свои положительные стороны. Он потихоньку вздыхал, когда не в меру пытливые студенты театральных училищ забрасывали его вопросами о драматургическом мастерстве; когда же юные дамы, заливаясь румянцем и запинаясь от смущения, шептали ему на ухо, в какой восторг приводят их его романы, ему и вовсе хотелось провалиться сквозь землю. Вместе с тем он полагал себя человеком умным, а ум и скука несовместимы. Он и в самом деле мог подолгу, с неподдельным интересом беседовать с людьми, которых единодушно считали такими непереносимыми занудами, что даже их собственные друзья бегали от них, как от кредиторов. Правда, в данном случае интерес этот, быть может, объяснялся чисто профессиональным инстинктом, который редко ему изменял, ведь люди эти служили материалом для его книг и утомляли его, следовательно, ничуть не больше, чем археолога – древние захоронения. Теперь же скучать ему и вовсе не приходилось: у него было все, о чем мог мечтать любой разумный человек. Он жил в первоклассном номере солидного женевского отеля, а Женева, как известно, является одним из самых уютных городов Европы. Он брал лодку и катался по Женевскому озеру либо садился в седло и ехал шагом по гравиевым дорожкам в предместье Женевы – переходить на галоп в этом добропорядочном, ухоженном кантоне было, по существу, негде. Он бродил пешком по старым женевским улочкам, пытаясь уловить дух старины в серых каменных особняках, непроницаемых и величественных. Он с удовольствием перечитывал «Confessions» Руссо и во второй или третий раз безуспешно попытался осилить «La Nouvelle Heloise»²⁰. Он писал. Знакомств он завел мало, ибо ему надлежало находиться в тени, но часто перекидывался словом с другими постояльцами гостиницы и одиноким себя не чувствовал. Он жил достаточно полной, разнообразной жизнью, а когда делать было совсем нечего, он с удовольствием проводил время наедине с самим собой. Иными словами, в подобных обстоятельствах скучать Эшендену не приходилось, и все же в неопределенном будущем, точно крошечное облачко на голубом небе, перед ним маячила досадная перспектива скуки. Рассказывают, что однажды Людовик XIV вызвал придворного, который должен был сопровождать его на какую-то официальную церемонию. Когда придворный явился, монарх, который был уже готов, встретил его язвительной фразой «J'ai failli attendre», что в весьма приблизительном переводе означает: «Мне чуть было не пришлось вас ждать». С тем же успехом мог бы сказать про себя и Эшенден: «Мне чуть было не пришлось скучать».

Возможно, размышлял он, когда ехал вдоль озера на пегой лошади с тяжелым крупом и короткой шеей, из тех горячих, то и дело встающих на дыбы лошадей, которых можно увидеть

¹⁹ © Перевод. А. Ливергант, 2009.

²⁰ «Исповедь», «Новая Элоиза» – произведения Жан-Жака Руссо.

на старых картинах (пегая, впрочем, не только не вставала на дыбы, но даже легкой рысью бежала нехотя под шпорами), возможно, крупные чины британской разведки, которые из своих лондонских кабинетов управляют всей этой гигантской машиной, живут исключительно полноценной жизнью; они переставляют фигуры на огромной шахматной доске, распутывают сложнейшие узоры, вышитые многоцветными нитями (Эшенден не брезговал метафорой), составляют одну большую картину из множества маленьких... Для него же, мелкой – не чета им – сошки, работа в разведке была отнюдь не таким уж увлекательным делом, как это казалось со стороны. И то сказать, обязанности Эшендена были не менее однообразными и унылыми, чем у самого обыкновенного клерка. Через строго определенные промежутки времени он встречался со своими осведомителями и выплачивал им жалованье, когда же удавалось завербовать очередного агента, он его нанимал, давал ему соответствующие инструкции и отсылал в Германию; он получал и пересылал секретную информацию; раз в неделю он переходил французскую границу для встречи со своим французским связным и для получения приказов из Лондона; по рыночным дням он отправлялся на женеvский рынок, где встречался со старухой молочницей, сообщавшей ему о том, что происходит на другом конце озера; он слушал во все уши и смотрел во все глаза, и, наконец, он строчил длиннейшие отчеты, в одном из которых, будучи убежден, что их никто не читает, позволил себе однажды шутовское замечание, за что по причине неподобающего легкомыслия был примерно и резко отчитан. Работа, которую он выполнял, была, по-видимому, необходима, но от этого не менее однообразна. В какой-то момент от нечего делать он решил было поволочиться за баронессой фон Хиггинс. В то время у него не оставалось сомнений, что баронесса является агентом Австрии, и Эшенден с нетерпением ждал предстоящей словесной дуэли. Ему было очень любопытно, кто кого перехитрит. Он заранее знал, что баронесса попытается его обмануть, и, чтобы не попасть в расставленные ею сети, ему пришлось бы хорошенько пошевелить мозгами. Оказалось, что и баронесса тоже не прочь развлечься. Он посылал ей цветы и получал в ответ короткие пылкие записочки. Она согласилась покататься с ним в лодке по озеру и, опустив длинные белые пальцы в воду, рассуждала о любви и красноречиво вздыхала. В тот вечер они вместе пообедали и пошли на «Ромео и Джульетту» – пьеса шла во французском прозаическом переводе. Эшенден еще окончательно не решил, насколько далеко он собирается зайти в своем флирте с баронессой, как вдруг получил весьма резкую записку от Р., который интересовался, что это он затеял, ибо до Р. «дошли сведения», что Эшенден много времени проводит в обществе женщины, которая называет себя баронессой фон Хиггинс и является агентом Германии и Австрии, в связи с чем, писал Р., крайне нежелательно, если бы отношения с ней выходили за рамки дружески вежливых. Эшенден пожал плечами. Р., несомненно, считал его глупее, чем он был на самом деле. Этот случай впервые навел Эшендена на мысль, что в Женеве, по всей видимости, находился человек, в чьи обязанности входило не спускать с него, Эшендена, глаз. Кто-то явно получил приказ следить за тем, чтобы Эшенден не пренебрегал своими обязанностями и не допускал оплошностей. Это неожиданное открытие несколько не позабавило Эшендена. Какой же все-таки дошлый и беспринципный тип этот Р.! Какая предусмотрительность! Не допускает ни малейшего риска, никому не доверяет, пользуется сведениями, которые поставляют ему осведомители, однако о самих осведомителях мнения, в сущности, был самого невысокого. Эшенден стал присматриваться к окружавшим его людям, пытаясь опознать того, кто мог сообщить Р. о его флирте с баронессой. Быть может, это один из официантов в ресторане отеля? Эшенден знал, что Р. широко пользуется услугами официантов: многое происходит у них на глазах, они имеют доступ к самой свежей информации. Не исключено также, что Р. получил эти сведения от самой баронессы: Эшенден несколько бы не удивился, если бы выяснилось, что фон Хиггинс завербована разведкой одной из стран Тройственного союза. В дальнейшем Эшенден оставался с баронессой подчеркнуто вежлив, однако знаки внимания оказывать ей перестал.

Он повернул лошадь и легкой рысью поехал обратно в Женеву. Грум из конюшен уже поджидал его у дверей отеля, и, перекинув ногу через седло, Эшенден спешил и вошел в вестибюль. Вместе с ключом портье вручил ему телеграмму следующего содержания:

«Тетя Мэгги серьезно больна. Остановилась отеле «Лотти» Париже. Если можно, приезжай ее навестить. *Реймонд*».

Именем «Реймонд» иногда в шутку подписывал свои письма Р., а поскольку у Эшендена, к несчастью, не было никакой тетушки Мэгги, он заключил, что это приказ ехать в Париж. Эшендену всегда казалось, что в свободное время Р. увлекается чтением детективов: вероятно, поэтому он нередко, находясь в хорошем настроении, имел странную привычку подражать в своих письмах стилю дешевых криминальных романов. Если Р. пребывал в отличном расположении духа, это означало, что он собирается нанести противнику удар; когда же удар был нанесен, настроение у него портилось и он срывал свое раздражение на подчиненных.

С нарочитой небрежностью швырнув телеграмму на стойку, Эшенден спросил портье, в котором часу уходит парижский поезд, после чего мельком взглянул на висевшие на стене часы – успеть бы до закрытия консульства получить французскую визу. Когда он направился к лифту, чтобы подняться к себе в номер за паспортом, портье вдогонку ему крикнул:

– Мсье, вы забыли телеграмму!

– Вечно я все забываю! – бросил Эшенден.

Теперь Эшенден мог быть спокоен: если австрийской баронессе почему-то станет интересно, с какой стати ему вдруг понадобилось срочно выехать в Париж, она обнаружит, что его отъезд вызван болезнью пожилой родственницы. Перестраховаться, особенно в это беспокойное военное время, никогда не вредно. Во французском консульстве его знали, и получение визы много времени не заняло. Вернувшись в отель, он поручил портье взять билет на поезд и, поднявшись наверх, принял ванну и переоделся. Неожиданный отъезд ничуть его не смущал. Он любил путешествовать. В поездках он спал хорошо, а если и просыпался от неожиданного толчка, то с удовольствием лежал некоторое время без сна в маленьком, уютном купе спального вагона, курил сигарету и наслаждался одиночеством. Под мерное постукивание колес так хорошо думается! Несешься себе сквозь мрак, словно звезда в космосе. А в конце пути всегда поджидает неизвестность.

В Париже было прохладно, моросил дождь; Эшенден был небрит, ему хотелось поскорей принять ванну и надеть чистое белье, но в настроении он находился превосходном. Прямо с вокзала он позвонил Р. и спросил, как здоровье тети Мэгги.

– Судя по тому, как быстро вы приехали, судьба тетушки вам далеко не безразлична. Отрадно, отрадно, – сказал Р., с трудом сдерживая смех. – К сожалению, тетушка очень плоха, но, я уверен, ей станет лучше, когда она увидит любимого племянника.

«Р. совершает типичную ошибку юмориста-любителя, который в отличие от юмориста-профессионала подолгу развивает шутку, – подумал Эшенден. – Шутник должен относиться к своей шутке так же небрежно, легкомысленно, как пчела к цветку. Пошутил и забыл. Разумеется, нет ничего дурного, если, подобно подлетающей к цветку пчеле, он немного пожужжит – надо же объявить туго соображающему миру, что готовится шутка». Впрочем, Эшенден в отличие от большинства профессиональных юмористов был к любительскому юмору терпим и поэтому ответил Р. в его же духе:

– Как вы думаете, – спросил он, – когда бы она могла принять меня? – На противоположном конце провода раздался приглушенный смех. Эшенден вздохнул.

– Полагаю, она захочет к вашему приходу привести себя в порядок, – сказал Р. – Вы же ее знаете, на людях она предпочитает быть в форме. Половина одиннадцатого вас устроит? Посидите у нее, а потом мы могли бы где-нибудь вместе перекусить, хорошо?

– Прекрасно. В половине одиннадцатого я буду в «Лотти».

Когда Эшенден, умытый и посвежевший, приехал в отель, в вестибюле его встретил адъютант и проводил наверх, в номер Р. Приоткрыв дверь, он пригласил Эшендена войти.

Стоя спиной к ярко пылающему камину, Р. что-то диктовал своему секретарю.

– Садитесь, – сказал он, продолжая диктовать. Эшенден осмотрелся. Гостиная была уютной и красиво обставленной. Букет роз на столе выдавал присутствие женщины. Массивный круглый стол был завален бумагами. За то время, что они с Эшенденом не виделись, Р. заметно постарел. Морщин на его худом, желтом лице прибавилось, редкие волосы поседел. Тяжелая работа сказывалась. Р. себя не щадил: каждое утро, что бы ни случалось, вставал ровно в семь и работал до глубокой ночи. Чистый, с иголки китель дорогого сукна висел на нем, как на вешалке.

– На сегодня все, – сказал он секретарю. – Забирайте бумаги и садитесь за машинку. До обеда я все подпишу. – И, повернувшись к адъютанту, добавил: – Я занят, меня не беспокоить.

Секретарь, младший лейтенант лет тридцати, судя по всему, призванный в армию резервист, собрал бумаги и покинул комнату. Адъютант последовал за ним.

– Подождите за дверью, – сказал адъютанту Р. – Если понадобится, я вас вызову.

– Слушаюсь, сэр.

Когда они остались одни, Р. повернулся к Эшендену и с ласковым – для себя – видом спросил:

– Добрались благополучно?

– Да, сэр.

– Как вам мои апартаменты? – Р. окинул взглядом комнату. – Недурно, а? Надо же чем-то компенсировать трудности военного времени.

Беспечно болтая, Р. в то же время внимательно следил за Эшенденом. Всякий раз, когда он пристально вглядывался в собеседника своими бесцветными, близко посаженными глазами, создавалось впечатление, что он устался прямо в мозг и очень разочарован тем, что там увидел. В редкие минуты благодушия он признавался, что, по его мнению, человечество делится на дураков и мошенников, и хотя человеку его профессии существенно усложняют жизнь и те, и другие, в целом он отдавал предпочтение мошенникам: тут по крайней мере знаешь, с кем имеешь дело, и соответствующим образом ведешь себя. Р. был кадровым военным и долгое время служил в Индии и в Америке. Когда началась война, он находился на Ямайке, и какой-то крупный чин из министерства обороны, который когда-то имел с ним дело, вспомнил про него, перевел в Англию и определил в разведку, где благодаря своей исключительной сообразительности Р. вскоре обратил на себя внимание и получил значительное повышение. У Р., талантливого организатора, человека необыкновенно энергичного, на редкость решительного, предприимчивого и смелого, была, пожалуй, всего одна слабость. Дело в том, что он не имел опыта общения с представителями, а тем более с представительницами высших кругов, до перевода в Англию он общался лишь с офицерскими женами, а также с женами колониальных чиновников и коммерсантов. Когда же, оказавшись в начале войны в Лондоне, он по долгу службы столкнулся с блестящими, обворожительными светскими львицами, то совершенно потерял голову. В их обществе он робел, но его к ним тянуло, со временем он стал настоящим дамским угодником, и для Эшендена, который знал про Р. гораздо больше, чем тот подозревал, розы на столе говорили о многом.

Эшенден понимал, что Р. вызвал его не для того, чтобы беседовать о погоде и урожае, и ждал, когда тот перейдет к делу. Ждать пришлось недолго.

– В Женеве вы неплохо потрудились, – сказал Р.

– Спасибо на добром слове, сэр, – откликнулся Эшенден.

Внезапно с лица Р. исчезла улыбка. Тон сделался сухим и официальным. Светская беседа кончилась.

– У меня есть для вас одно дельце.

Эшенден ничего не ответил, но почувствовал, как у него тревожно засосало под ложечкой.

– Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Чандра Лал?

– Нет, сэр.

Полковник не смог скрыть легкого раздражения – его подчиненные обязаны были знать все.

– Где же в таком случае вы жили все эти годы?

– В Мейфэр, Честерфилд-стрит, дом 36, – отпарировал Эшенден.

На желтом лице Р. мелькнула улыбка. Он ценил иронию, и этот довольно меткий ответ пришелся ему по душе. Он подошел к массивному круглому столу и открыл лежавший на нем портфель. Из портфеля он вынул фотографию и вручил ее Эшендену.

– Вот взгляните.

Эшенден не разбирался в восточных лицах, и лицо на фотографии показалось ему ничем не отличающимся от сотен других индийских лиц. Человек на снимке был похож на какого-нибудь раджу, из тех, что периодически приезжают в Англию, и тогда иллюстрированные журналы публикуют их фотографии. Лицо одутловатое, смуглое; толстые губы, мясистый нос, волосы черные, густые и прямые; глаза огромные и водянистые – как у коровы. В европейской одежде ему явно было не по себе.

– А здесь он в национальном костюме, – сказал Р., передавая Эшендену другую фотографию.

В отличие от предыдущего, на этом снимке Лал был сфотографирован в полный рост и, по всей вероятности, на несколько лет раньше. Тут он был более худым, а его огромные серьезные глаза занимали пол-лица. Фотограф из Калькутты снял Лала на фоне аляповато нарисованных морских волн и раскидистой пальмы. Одной рукой Лал опирался на тяжелый резной стол, на котором в горшке стоял каучуконос. И все же в тюрбане и в длинном светлом кителе Чандра был не лишен определенного обаяния.

– Что вы о нем скажете? – спросил Р.

– Я бы сказал, что это личность. В нем чувствуется какая-то внутренняя сила.

– Вот его досье. Ознакомьтесь, пожалуйста.

Р. дал Эшендену несколько напечатанных на машинке страниц, а сам надел очки и начал просматривать письма, которые должен был подписать. Эшенден подсел к столу и пробежал досье глазами, а затем перечитал его более внимательно. Похоже, Чандра Лал был опасным бунтовщиком. Юрист по профессии, он увлекся политикой и стал ярким противником британского владычества в Индии. Чандра выступал за вооруженное сопротивление короне, и по его вине вспыхнуло немало мятежей, приведших к человеческим жертвам. Один раз его арестовали, судили и приговорили к двум годам тюремного заключения, однако к началу войны он вышел на свободу и сразу же, воспользовавшись сложившейся ситуацией, занялся подстрекательством к вооруженному восстанию, в связи с чем англичане не могли перебрасывать войска из Индии в Европу. Таким образом, располагая огромными суммами, на которые не скупилась германские агенты, Лал мог принести империи немало вреда. Он был замешан в двух или трех покушениях, которые, хоть в них и погибло всего несколько ни в чем не повинных прохожих, перепугали публику и тем самым ущемили общественную мораль. Все попытки задержать смутьяна кончались ничем: он отличался поразительной мобильностью, был вездесущ. Полиция никак не могла напасть на его след: еще накануне было доподлинно известно, что Лал находится в каком-то городе, но стоило туда нагрянуть полиции, как обнаруживалось, что, сделав дело, он исчезал в неизвестном направлении. Наконец за его поимку было назначено крупное вознаграждение, однако Лал бежал из страны, добрался до Америки, оттуда отправился в Швецию и в конце концов обосновался в Берлине, где стал энергично разрабатывать планы антибританской пропаганды в колониальных войсках, переброшенных в Европу. Вся эта

информация излагалась сухо, без комментариев и пояснений, однако за бесстрастным тоном докладной записки скрывались приключения и тайны, погони и преследования, опасности, подстерегавшие Лала на каждом шагу. Кончалось досье следующими словами:

«У Ч. Л. в Индии жена и двое детей. Во внебрачных связях не замечен. Не пьет, не курит. По отзывам людей, его знающих, – безукоризненно честен. Через его руки уже не один год проходят значительные суммы, однако на него ни разу не падало подозрение в том, что он мог распорядиться этими деньгами неподобающим образом. Отличается исключительным мужеством и трудолюбием. Умеет держать слово и гордится этим».

Эшенден вернул Р. досье.

– Итак?

– Фанатик. – Эшендену подумалось, что в Лале было что-то романтически привлекательное, но он прекрасно понимал, что слушать всю эту «лирику» Р. не станет. – Сдается мне, этот субъект очень опасен.

– Это самый опасный заговорщик во всей Индии. И не только в Индии. Он доставил нам больше неприятностей, чем все остальные бунтовщики вместе взятые. Вам, должно быть, известно, что в Берлине собралась целая банда этих индусов; так вот, он – мозг этой банды. Если бы мне удалось устранить Лала, остальные бы меня мало волновали – из них он единственный достойный противник. Я больше года за ним охочусь и уже начал терять надежду, но тут вдруг у меня наконец-то появился шанс, и шанс этот я, черт возьми, не упущу!

– Ну и что вы с ним сделаете, когда поймаете?

Р. угрюмо хмыкнул:

– Поставлю к стенке, и как можно скорее.

Эшенден промолчал. Р. прошелся взад-вперед по комнате, а затем, опять повернувшись лицом к камину, посмотрел Эшендену в глаза. Его тонкие губы скривились в ядовитой улыбке:

– Вы обратили внимание, в конце досье говорится, что этот тип во внебрачных связях не замечен? Так вот, в настоящий момент это не соответствует действительности. Этот болван, будь он проклят, влюбился.

Подойдя к столу, Р. вынул из портфеля перевязанную голубой ленточкой связку бумаг.

– Взгляните, – сказал он, – здесь его любовные письма. Вы ведь писатель, вам это должно быть интересно. Впрочем, интересно или нет, вам их придется прочесть в любом случае, это поможет разобраться в ситуации. Возьмите их с собой.

И Р. бросил пачку писем обратно в портфель.

– Поразительно, как такой способный человек сподобился увлечься женщиной, – сказал он. – Вот уж чего я от него никак не ожидал!

Эшенден украдкой перевел глаза на стоявший на столе красивый букет роз, но ничего не сказал. Р., который мало что упускал из виду, перехватил его взгляд и нахмурился. Эшенден почувствовал, что полковника подмывает спросить, какого черта он уставился на букет. В этот момент Р. явно не питал к своему подчиненному особенно теплых чувств, однако промолчал и вернулся к теме их разговора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.